

K-789-K.XIII-V

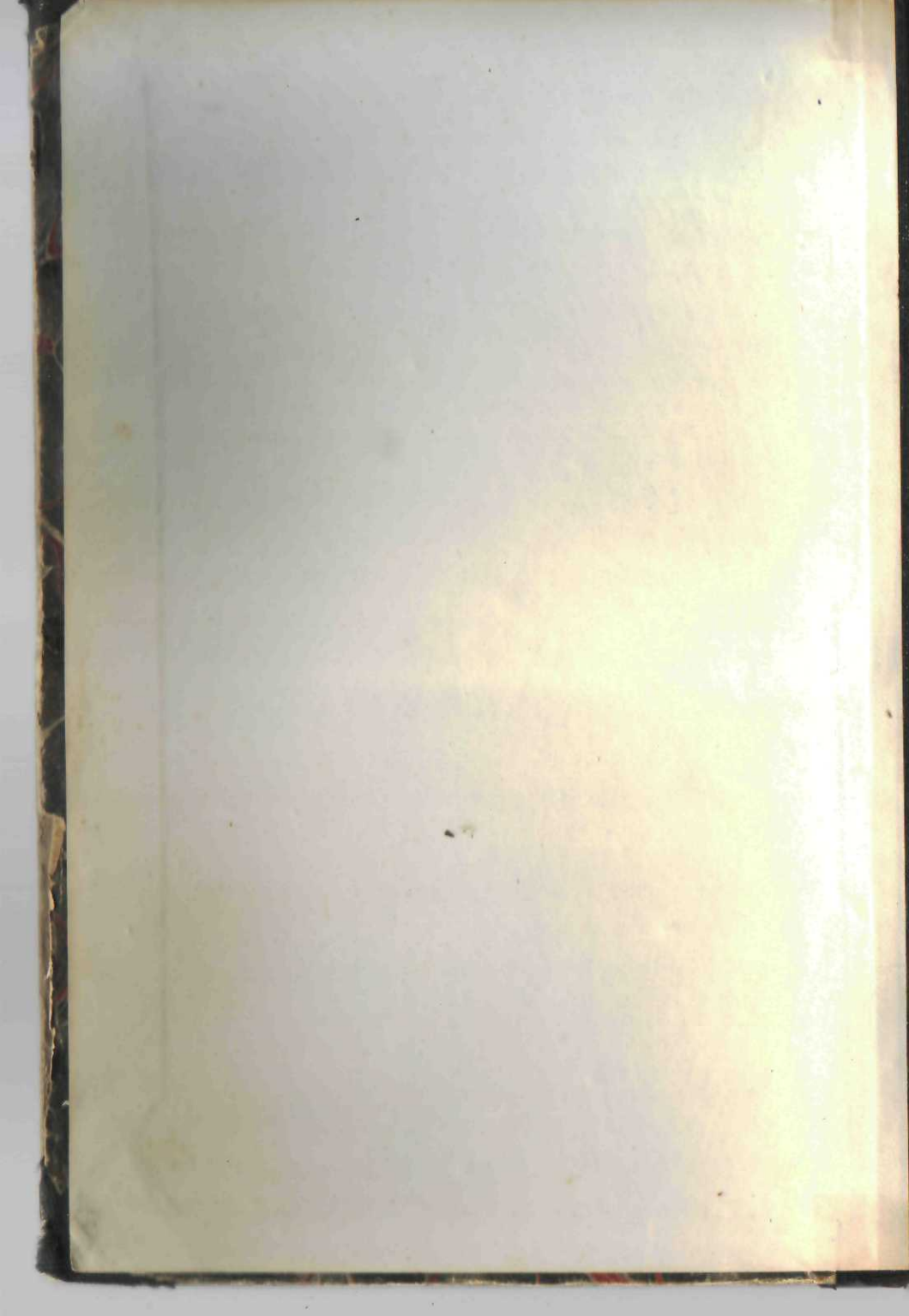
273632

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620345

6

1924

1223
02 73

1900

БИБЛИОТЕКА СЪВЕРА

Д. Крашевскій

КОРОЛЬ ХЛОПОВЪ.

12.11

658

ТОМЪ
V.

Май.

Безплатное приложение.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Н. О. МЕРТЦА.

1000

КОРОЛЬ ХЛОПОВЪ.

К-789-к.х. VI-IV

12. IV
658.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

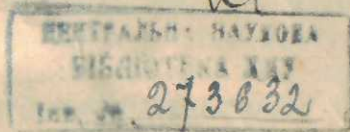
I. КРАШЕВСКАГО.

III-IV

1908
1650+

VI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Фонтанка 95.

1900.

58

У

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 апрѣля, 1900 года.

Часть третья.

У.

Рокичана.

Коханъ Рава какъ будто нарочно былъ созданъ быть царскимъ любимцемъ. Ему хорошо жилось и онъ не хотѣлъ быть ничѣмъ, кромѣ какъ фаворитомъ; у него былъ талантъ къ этому, а своего государя любилъ болѣе, чѣмъ самого себя.

Въ бытность свою въ Прагѣ въ качествѣ посла, вмѣстѣ съ Щедрикомъ, онъ увидѣлъ при царскомъ дворѣ прекрасную Христину Рокичану, величественная фигура которой очень понравилась ему, и тотчасъ подумалъ о Казимірѣ.

„Пожалуй, такая женщина могла-бы составить его счастье,— подумалъ онъ, и въ тотъ же моментъ послалъ своихъ людей на развѣдки, кто она была, отъ кого зависѣла, какою пользовалась репутаціей и что о ней говорили.

У прекрасной Христины были свои поклонники. Богатая фамилія, къ которой она принадлежала, гордилась ею и считала своей жемчужиной; при царскомъ дворѣ не было женщины красивѣе ея. Ея воспитаніе, образованіе и рѣдкая красота открывали ей свободный доступъ ко двору. Ни одна изъ придворныхъ дамъ и фрейлинь не танцевала лучше ея. Кромѣ того, она великолѣпно играла на цитрѣ, обладала замѣчательнымъ голосомъ и увлекательно пѣла.

Христина знала языки и говорила, кромѣ чешскаго, на нѣмецкомъ, итальянскомъ и, отчасти, на французскомъ; а что касается обычаевъ и знанія этикета, то ее ни въ чемъ нельзя было упрекнуть. При всемъ томъ, она не была обольстительной, а скорѣе, вслѣдствіе своей чрезвычайной гордости, отталкивающей. Обладая значительнымъ состояніемъ, честнымъ и ничѣмъ незапятнаннымъ именемъ, она пользовалась уваженіемъ всѣхъ, окружающихъ ее, и это дѣлало ее недоступной.

Оставшись по смерти своего мужа молоденькой вдовой, красивой, богатой и бездѣтной, она проносила свой трауръ установленное обычаемъ время и начала новую жизнь, не оказывая ни кому своей благосклонности; всѣ видѣли, что она будетъ прихотлива въ своемъ выборѣ. Обладая достаточно высокимъ ростомъ, снѣжной бѣлизною кожи, темно-каштановыми волосами, такими же глазами, тонкими и красивыми чертами лица, она казалась величественной... Обыкновенныхъ людей она едва удостоивала взглядомъ. Жизнь ея текла съ раннихъ лѣтъ среди достатка, веселья и бездѣлья.

Въ домѣ Христины Рокичаны было много слугъ. Она обладала массою нарядовъ, множествомъ драгоценностей и совсѣмъ свободнымъ временемъ, которое она проводила больше всего въ переодѣваніи по нѣскольку разъ въ день. Кромѣ того, она бречала на цитрѣ, пѣла, ходила въ церковь и слушала разговоры посѣщавшихъ ее гостей. Сама она говорила очень мало, и нельзя было поручиться въ томъ, что ее интересовали разговоры другихъ, потому что она всегда слушала ихъ разсѣянно.

Балы, вечера и всякія собранія, быть можетъ, были для нея всего милѣе, такъ какъ она всегда блистала на нихъ.

Больше всего ей хотѣлось быть вездѣ первой и затмевать собою всѣхъ остальныхъ. Разказы о томъ, что всѣ восхищались ею, дѣлали ее счастливою. Казалось, что она только и мечтала о блестящей будущности.

Въ сущности, при царскомъ дворѣ многіе высокопоставленные лица очень интересовались ею, но никто изъ нихъ не являлся претендентомъ на ея руку. Предчувствуя, что за ней только ухаживаютъ, она гордо отталкивала ихъ и смотрѣла на нихъ, какъ на поклонниковъ ея красоты. Женщины ея возраста, родственники и близкіе знакомые были недовольны ею,

но всѣ ихъ замѣчанія нисколько не дѣйствовали на нее. она слушала ихъ, пожимая плечами и шутливо отдѣлывалась отъ всякихъ на ея счетъ замѣчаній.

Молоденькая вдовушка держала у себя бѣдную далекую родственницу старушку, безъ которой никуда не выходила и никого безъ нея не принимала. Она была не то ея подругой, не то слугой, но на ея обязанности лежало оберегать порученное ей сокровище и быть свидѣтельницей ея безупречной жизни.

Съ того момента, когда Христина Рокичана попала на царскій дворъ и стала отличаться на придворныхъ вечерахъ, ея гордость чрезвычайно увеличилась. Всѣ были увѣрены, что она сумѣетъ влюбить въ себя какого-либо высокопоставленнаго человѣка и достигнетъ своей цѣли. Но она, какъ уже сказано выше, не была обольстительной, а потому всѣ стали избѣгать ея, хотя ихъ и привлекала ея красота.

Только одинъ человѣкъ любилъ ее вѣрно и неизмѣнно. Онъ полюбилъ ее еще задолго до замужества, но не могъ просить ея руки, такъ какъ былъ сравнительно не настолько богатъ, какъ она, хотя и считался человѣкомъ со средствами. Христина отлично знала про эту любовь, но не удостаивала его даже взглядомъ и онъ не могъ питать никакой надежды.

Ендржикъ (Андрей) изъ Подбржежа получилъ въ наслѣдство отъ своихъ родителей прекраснѣйшій домъ на Старой Прагѣ и магазинъ мануфактурныхъ, преимущественно шелковыхъ товаровъ. Онъ былъ немного старше Рокичаны, очень красивый малый, но не обладалъ тѣми качествами и достоинствами, какихъ она искала въ будущемъ своемъ мужѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ сильно любилъ ее и не женился на другой, все еще надѣясь, что быть можетъ счастье улыбнется ему, въ виду чего смотрѣлъ на нея издали и хотя, по временамъ, старался приблизиться къ ней, но никогда не слышалъ отъ нея ни одного доброго слова. Онъ страдалъ, терпѣлъ, молчалъ и все-таки не упускалъ ее изъ виду. Онъ зналъ о каждомъ ея шагѣ и о каждомъ желаніи, которыя старался удовлетворить, не требуя за это ни благодарности, ни вознагражденія.

Любовь Андрея была не требовательна, и когда онъ видѣлъ свою обожаемую царицу хоть издали, то счастливѣе его

не было на свѣтѣ. Что же касается ея самой, то она не могла сказать о немъ ни одного слова и ее сильно возмущало, что какой-то купчикъ осмѣливался любить ее и рассчитывать на ея любовь.

Всѣ подобныя свѣдѣнія о Христинѣ, красотѣ ея и жизни Коханъ легко могъ собрать посредствомъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у него было не мало въ этомъ городѣ. Именно такая женщина, по его мнѣнію, какъ будто нарочно была создана для короля, и она вполне могла замѣнить ему королеву. Всякія временныя увлеченія Казимира, въ которыхъ его упрекали и которыми кололи глаза, не могли назваться этимъ именемъ. Ни красота, ни молодая свѣжесть лица не могли привязать его къ женщинѣ, которая была проста, груба и глупа. Такія женщины скоро надоѣдали ему и онъ скоро оставлялъ ихъ.

Изъ разговоровъ съ королемъ Коханъ отлично зналъ, что онъ мечталъ о такой женщинѣ, какъ Маргарита, и хотѣлъ, чтобы у нея было больше задушевности и ума, чѣмъ красоты. Рокичана вполне удовлетворяла такому идеалу. Даже ея хладнокровіе и гордость могли быть для него привлекательными.

— Да!—рѣшилъ Коханъ, подѣвжая къ Прагѣ,—она намъ замѣнить королеву!..

Пріемъ короля Казимира въ Прагѣ былъ такъ же блестящъ, какъ и при ослѣпшемъ королѣ Янѣ. Нѣмецкій императоръ привѣтствовалъ его, какъ брата, которому онъ и поклонился вѣчнымъ братствомъ. На все время пребыванія Казимира въ Прагѣ, въ первыхъ числахъ апрѣля, были приготовлены разныя забавы, турниры, охоты, пиры и проч., такъ что гости некогда было свободно вздохнуть.

Въ первый же вечеръ Коханъ, находясь въ свитѣ короля, обратилъ его вниманіе на прекрасную Рокичану. Казимиръ уже отличилъ ее отъ другихъ, еще не зная, кто она и какъ ее зовутъ. Въ этотъ день она казалась особенно прекрасной. Однако, онъ не имѣлъ случая ни приблизиться, ни заговорить съ нею.

Въ свою очередь, и ея глаза часто обращались на польскаго короля, который могъ нравиться, даже не будучи монархомъ, какъ по своей внѣшности, такъ и по лицу, преисполненному доброты. Хотя онъ былъ не первой молодости, но сохранилъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, въ оживленномъ лицѣ, въ

быстромъ и умномъ взглядѣ—громаднѣйшій запасъ жизненной силы и душевной молодости.

Многія другія женщины тоже обращали на него свое вниманіе и смотрѣли на него съ большимъ интересомъ. Его богатый нарядъ, осыпанный драгоценными камнями и сшитый съ большимъ вкусомъ, придавалъ ему еще больше красоты. Ко всему этому, радушный пріемъ, оказанный ему, возбуждалъ въ немъ радость, и онъ сіялъ, что тоже содѣйствовало его привлекательной наружности.

Коханъ прибѣгнулъ къ весьма простому и всѣмъ извѣстному средству сблизить эту пару, и на слѣдующій день постарался, чтобы его ввели въ ея домъ... Одинъ изъ царскихъ камергеровъ, будучи знакомъ со всѣми Рокичанами, обѣщалъ удовлетворить его желаніе. Прекрасная Христина сразу замѣтила, что придворный польскаго короля, очевидно, хотѣлъ забросить удочку, и поэтому довольно холодно приняла его.

Однако Коханъ тотчасъ обезоружилъ ее, сказавъ, что его государь со вчерашняго дня находится въ величайшемъ возбужденіи, мечтая о ней, такъ какъ влюбился въ нее.

Этимъ сообщеніемъ Коханъ вызвалъ румянецъ на ея лицо, ибо завѣдомо польстилъ ей. Однако, спустя минуту, она сложила губки бантикомъ и отвѣтила:

— Но вѣдь у вашего короля есть жена!

Коханъ не ожидалъ такого замѣчанія и не былъ приготовленъ къ отвѣту, тѣмъ не менѣе нашелся:

— Мой король и господинъ ужъ много лѣтъ не живетъ съ женой и даже не видится съ нею... Вскорѣ, должно быть, бракъ этотъ будетъ расторгнутъ.

Свобода, какая допускалась въ то время обычаемъ, оправдывала такую любовь, и Христина, подумавъ, произнесла:

— Но о вашемъ королѣ говорятъ, что у него много любовницъ и что онъ весьма легкомысленъ.

— Ложь эту измыслило духовенство, которое стремится заставить его жить съ противной для него женой... Казиміръ не влюбится въ первую встрѣчную женщину. Лучшаго государя и человѣка трудно найти во всемъ свѣтѣ. Мнѣ жаль, что онъ, пріѣхавъ сюда, потерялъ свое спокойствіе.

Христина усмѣхнулась, но ничего не отвѣтила: это очень льстило ей.

— Я знаю,—продолжалъ Коханъ,—что онъ мечтаетъ сблизиться съ вами... Не позволите ли ему сдѣлать вамъ визитъ?..

Хотя молодая вдовушка очень обрадовалась такому предложенію, но сразу не могла дать на это согласія. Она только покраснѣла, мотнула отрицательно головкой и отвѣтила:

— Нѣтъ... потому что вся Прага заговорила бы объ этомъ. Хотя въ нашемъ домѣ бывали высокопоставленные гости, но королей еще не было, а я должна оберегать свою честь...

Коханъ запротестовалъ, увѣряя, что визитъ короля не могъ повредить ея доброй славы, но Христина категорически отказала. Рава не настаивалъ.

Пробывъ у нея еще нѣкоторое время и получивъ для себя лично разрѣшеніе навѣщать ее, онъ удалился.

Вернувшись въ замокъ и улучивъ минуту, когда съ королемъ можно было поговорить, онъ началъ рассказывать ему о томъ, что говорилось при дворѣ, будто прекрасная Христина постоянно смотрѣла на него и что онъ самъ слышалъ, лично отъ нея, будто король очень нравится ей...

Такимъ образомъ, подготовивъ обоихъ, Коханъ былъ увѣренъ, что сведетъ ихъ и между ними завяжутся тѣсныя отношенія.

— Да, она замѣнитъ намъ королеву,—повторялъ онъ про себя, потирая руки.

Во все время пребыванія короля Казимира въ гостяхъ, послѣ турнировъ и раздачи дамами наградъ побѣдителямъ, наступали танцы и другія веселыя забавы.

Коханъ, имѣя среди придворныхъ много пріятелей, шепнулъ церемоніймейстерамъ, дирижировавшимъ танцами и слѣдившимъ за тѣмъ, кто гдѣ долженъ сѣсть за царскимъ столомъ, чтобы они посадили Христину поближе къ польскому королю, не выказывая въ этомъ никакого умысла. Разумѣется, такое предложеніе было принято съ нѣкоторой улыбкой; но въ виду того, что самъ хозяинъ былъ радушенъ къ гостю, то и слуги старались оказать ему тоже радушіе, и никто особенно не удивлялся, что молодая вдовушка могла понравиться Казимиру.

Случилось такъ, что послѣ турнира польскій король, входя

въ залу, очутился подлѣ Рокичаны... Она смѣло смѣрила его глазами... и хотя умѣла владѣть своими чувствами, тѣмъ не менѣе ея лицо окрасилось румянцемъ, губы дрогнули и она выдала себя; это была игра ея польщеннаго самолюбія, которое трудно было отличить отъ другихъ чувствъ.

Ему было легко въ этотъ день подойти къ той красивой мѣщаночкѣ, которая была одѣта чрезвычайно богато и съ большимъ вкусомъ. Ея поясъ, отдѣланный драгоценными камнями, множество нитокъ великолѣпнаго жемчуга и головной уборъ съ блестящими рубинами обращали вниманіе завистливыхъ женщинъ.

Король Казиміръ, очутившись такъ близко подлѣ нея, началъ свой разговоръ съ нею съ восхваленія ея красоты, передъ которою онъ преклонялся.

— Ваше величество!—смѣло отвѣтила Рокичана.—Навѣрное вы видѣли въ жизни своей много красавицъ лучше меня, и я не думала, что вы изволите шутить надъ бѣдной пражской мѣщаночкой, преувеличивая ея красоту.

— Я принялъ бы васъ за королеву, если бъ вчера не спросилъ о вашемъ имени,—сказалъ король.—Ваша красота сразу бросилась мнѣ въ глаза.

Это было подтвержденіемъ того, что Коханъ сказалъ ей утромъ. Христина улыбнулась.

— Вы удостоиваете меня великой чести,—отвѣтила она, опуская глаза,—которая легко могла-бы превратиться въ печаль, если-бъ вы скоро не забыли меня.

Король не далъ докончить...

— Смѣю увѣрить васъ, прекрасная Христина,—возразилъ онъ,—что я всю жизнь не забуду васъ.

— Вѣроятно вы, ваше величество, научились у французскихъ трубадуровъ тѣмъ прекраснымъ словамъ, которыми они сводятъ съ ума бѣдныхъ женщинъ; но вѣдь и мы умѣемъ цѣнить ихъ и знаемъ за какую монету принимать ихъ лесть.

Казиміръ, смотря на нее и любуясь ея красотой, не нашелъ сразу отвѣтить. Его проникательный, нескромный взглядъ на ея прелести, скрытыя подъ платьемъ, почувствовала Рокичана. Она гордо выпрямилась, взглянула на него свысока и тихо сказала:

— Царственные взгляды на женщинъ, не рожденныхъ для престола, часто оканчиваются для нихъ большимъ несчастьемъ...

Ея движеніе, доказывавшее, что она какъ будто хотѣла уйти, заставило его быстро отвѣтить:

— Но вѣдь и царямъ позволительно преклоняться передъ красотой, почитать ее и чувствовать къ женщинамъ такую же любовь, какую къ нимъ чувствуютъ обыкновенные люди...

— О! любовь не приходитъ такъ скоро, какъ вы говорите!—возразила Христина съ иронической улыбкой.—Цари привыкли, чтобы все и всѣ были къ ихъ услугамъ... Ночестная женщина не должна слушать признанія такой любви.

— Не сердитесь на меня, прекрасная Христина!—воскликнулъ король, смѣясь.—Я отнюдь не хотѣлъ васъ оскорбить... Напротивъ, я стремлюсь снискать ваше милостивое расположеніе ко мнѣ...

— Я не чувствую себя достойной этого... Можетъ быть, ваше величество, вы встрѣчали въ своей жизни такихъ женщинъ, которыя увлекались одной вашей улыбкой и словомъ, но я не принадлежу къ такимъ...

— Я ничего не желаю отъ васъ, кромѣ маленькаго сочувствія, и хотя вы очень строги, но я позволю себѣ питать надежду, что вы, узнавъ меня ближе, станете смотрѣть снисходительнѣе и удостоите своимъ довѣріемъ и лаской.

Бесѣда польскаго короля съ Рокичаной уже обратила всеобщее вниманіе. Вдова радовалась и гордилась, но должна была показать передъ людьми, что она дорожить собою и тотчасъ отошла отъ короля къ женскому обществу. Однако же, уходя, вопреки тому, что она сказала, выразительно взглянула на короля и такъ любезно улыбнулась, что его сердце затрепетало...

Придворныя забавы затянулись до поздняго часа. Казимиру оставалось только однѣ сутки пребыть въ гостяхъ, такъ какъ неотложныя дѣла требовали его присутствія въ Краковѣ.

Начавшіяся любовныя похождения, которымъ Рава такъ ловко и умѣло содѣйствовалъ, не оставили послѣ себя ничего, кромѣ пріятнаго воспоминанія. Изъ собранныхъ Коханомъ свѣдѣній легко было понять, что прекрасная чешка не позволитъ себѣ увлечься никакими подарками; король не могъ остаться въ Прагѣ, ради снисканія ея расположенія, а тѣмъ болѣе при-

гласить ее въ Краковъ, и Рава ломалъ свою голову, какъ бы вызвать въ ней сочувствіе къ своему государю.

Въ послѣдній день пребыванія короля Казимира въ гостяхъ состоялась охота въ звѣринцѣ; послѣ нея—балъ съ ужиномъ и танцами. Рокичана не явилась въ этотъ день. Казимиръ вернулся довольно рано въ свое помѣщеніе. Онъ былъ чрезвычайно занятъ ея красотой и сильно беспокоился, что Христина оказалась недоступной и не явилась на балъ.

— Ея не было, — отозвался онъ къ Равѣ. — Что дѣлать?.. Неужели уѣхать безъ надежды увидѣться съ нею?

— Во всякомъ случаѣ, вамъ неудобно дѣлать ей визитъ, — отвѣтилъ Коханъ. — Всѣ заговорятъ о томъ и это можетъ ей больше повредить, чѣмъ принести пользу.

— Сходи отъ моего имени, — сказалъ король, снимая перстень съ руки съ драгоценнымъ сапфиромъ. — Снеси ей этотъ маленькій подарокъ и скажи, что я буду очень радъ видѣть ее въ Краковѣ и приму, какъ королеву.

Рава пожалъ плечами.

— Изъ всего того, что я узналъ, видно, что ее не легко получить... развѣ только сдѣлавъ королевой, — сказалъ онъ. — Тѣмъ не менѣе, я попытаюсь...

— Я не пожалѣю на нее никакихъ расходовъ... Уговори ее и возвращайся съ хорошими вѣстями.

Коханъ пошелъ въ городъ, не взявъ никого съ собою, такъ какъ хотѣлъ поговорить съ ней наединѣ.

Рокичана и въ этотъ день была приглашена ко двору, но хитрая и расчетливая женщина притворилась больною, чтобы доказать Казимиру, что она нисколько не увлечлась его льстивою рѣчью. Она была увѣрена, что онъ не уѣдетъ безъ оповѣщенія о себѣ, а потому ждала. Она весь день сидѣла одѣтой въ нарядное платье, ходила отъ окна къ окну и ожидала какого-либо посла, но все напрасно.

Такъ она прождала до вечера. У нея никого не было, кромѣ ея старой подруги, но комнаты были освѣщены и даже приготовлено угощеніе, состоявшее изъ разныхъ винъ, фруктовъ и сластей, стоявшихъ на столѣ съ великолѣпной сервировкой.

Между тѣмъ было ужъ поздно и мало осталось надежды на посѣщеніе ея кѣмъ-либо изъ пословъ; но именно въ это

время явился Коханъ и просилъ доложить о себѣ. Сначала она помучила его, для пущей важности и приказала впустить.

Вдовушка Рокичана приняла его очень холодно, гордо и съ напускнымъ удивленіемъ. Рава началъ съ того, что король, не видя ее сегодня въ замкѣ, обезпокоился о ея здоровьи и нарочно прислалъ справиться, какъ она изволить чувствовать себя.

— Да, сегодня я чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, — отвѣтила вдова, — а потому и осталась дома.

— Тѣмъ больше государь мой обезпокоился, — продолжалъ Коханъ, — что онъ завтра долженъ вернуться въ Краковъ и не можетъ лично проститься съ вами... Между тѣмъ, онъ сильно полюбилъ васъ...

— О, мужчины! — воскликнула она и усмѣхнулась: — въ особенности короли: легко влюбляются, а еще легче разлюбливаютъ и забываютъ. Очень жаль, что вашъ государь не нашелъ себѣ на эти нѣсколько дней какой-либо красоти, которая позволила-бы себя уговорить... Повѣрьте, я не такая неопытная женщина, чтобы сдѣлаться временной игрушкой хотя бы величайшаго изъ монарховъ.

Рава смутился отъ такого оборота рѣчи.

— Король не временно полюбилъ васъ, — сказалъ онъ, подумавъ, — его любовь навѣрное будетъ продолжительна, если только вы отвѣтите ему взаимностью. Лучшимъ доказательствомъ этого служить то обстоятельство, что онъ прислалъ меня къ вамъ съ просьбой сохранить о немъ добрую память и хоть по временамъ удостоивать взглядомъ эту бездѣлушку.

Приэтомъ онъ подаль ей перстень съ великолѣпнымъ сапфиромъ, цѣну котораго Рокичана легко могла угадать. Она вспыхнула, смутилась и сначала оттолкнула отъ себя перстень, какъ будто обиженная такимъ подаркомъ. Но Коханъ настаивалъ, говоря, что у царей въ обычаѣ дарить тѣхъ, кто имъ нравится.

— А если вы не желаете взять, — прибавилъ онъ, — безъ взаимности, то не будете-ли любезны дать взаменъ его хоть какое-либо колечко... Самое пустячное съ вашей ручки будетъ пріятнымъ для короля.

Вдова колебалась и посматривала то на перстень съ сап-

Фиромъ, то на свои руки и вдругъ подняла головку, смѣло взглянула на Кохана и отвѣтила:

— Вотъ что я вамъ скажу, мой милый посолъ...? Вы такъ хорошо умѣете защищать любовные интересы своего государя, что какъ будто ужъ не первый разъ исполняете подобныя его порученія. Въ такомъ случаѣ, поговоримъ откровенно.

— Прекрасно!—воскликнулъ Коханъ.—Будьте искренны и скажите: нравится ли вамъ мой государь?

— Какъ бы онъ ни былъ милъ мнѣ, — живо возразила вдовушка, — и какимъ бы государствомъ онъ ни обладалъ, хотя бы вдесятеро большимъ, чѣмъ онъ теперь обладаетъ, — что мнѣ въ его любви? Я создана не для любовницы, а для честной жены и не уйду легкомысленно изъ своего спокойнаго гнѣзда, въ которое потомъ должна буду возвратиться со срамомъ и раскаяніемъ. Это вы заранѣе примите къ свѣдѣнію. Ни какіе подарки, ни уговоры, ни обѣщанія, ни хитрости ни къ чему не приведутъ... Моя честь дороже всякой любви и я не отдамъ ее ни за какія сокровища, а потому напрасны будутъ всѣ ваши обольщенія.

Хотя Коханъ былъ смущенъ такою ея рѣшительностью, тѣмъ не менѣе не сдавался и не считалъ себя побѣжденнымъ. Прежде всего онъ зналъ отлично, что женщины цѣнятъ себя высоко только потому, чтобы ихъ еще больше цѣнили, но, въ концѣ концовъ, идутъ на уступки... Онъ не вѣрилъ въ такой рѣзкій отказъ... Къ тому, же хотѣлъ выиграть время, которое измѣняетъ самыя твердыя рѣшенія.

— Послушайте, прекрасная Христина, — возразилъ онъ, многозначительно улыбаясь, — кто питаетъ такую любовь, какъ мой государь, у того найдутся средства для удовлетворенія ея... Кто знаетъ?.. Бракъ для него не является невозможнымъ и корона была бы вамъ къ лицу... А вѣдь она стоитъ чего-либо... за нее можно оказать хоть немного сочувствія, не отталкивать отъ себя и не обижать...

Рокичана слушала его внимательно.

— Вы говорите, какъ демонъ, искушавшій Еву въ раю, — отозвалась она. — Тотъ обѣщалъ познаніе добра и зла, а вы показываете издали корону, какъ игрушку ребенку, но я... не вѣрю, нѣтъ, не вѣрю!

Сказавъ это, она взяла машинально перстень, лежавшій на столѣ, надѣла его на палецъ, повернула камень къ свѣту и улынулась чистотѣ его воды. Это былъ хорошій знакъ.

— Вы правы,—прибавила она:—за подарокъ слѣдуетъ отблагодарить подаркомъ... Но я—бѣдная вдова, и едва ли найду что-либо цѣнное и достойное вашего великаго государя.

И она медленно сняла съ своего пальца кольцо съ великолѣпнымъ рубиномъ, поцѣловала его, какъ бы прощаясь съ нимъ, и положила его на столъ передъ Равой.

Послѣдній быстро схватилъ его.

— Теперь оно еще больше драгоцѣнно, ибо ваши уста прикоснулись къ нему,—сказалъ онъ, старательно пряча его въ карманъ,—и я скажу королю, что вы шлете ему вмѣстѣ съ нимъ свой поцѣлуй.

— Нѣтъ, нѣтъ! этого не говорите!—воскликнула она, увлечательно смѣясь.—Я только прощалась съ любимымъ моимъ кольцомъ и... больше ничего.

Коханъ проницески улыбнулся.

— Все равно!—воскликнулъ онъ.—Вы прощались съ кольцомъ, и я скажу, что вы послали вмѣстѣ съ нимъ поцѣлуй!.. Пусть мой бѣдный государь утѣшится хоть этимъ... Завтра утромъ, когда мы будемъ уѣзжать изъ Праги, король будетъ проѣзжать мимо оконъ вашего дома. Будьте милостивы, выглядывайте въ окно и кивните ему головкой. Убѣдительно прошу васъ о томъ!

Вдовушка ничего не отвѣтила на эту просьбу, такъ какъ въ этотъ моментъ она наливала для Кохана сладкое вино, которое поставила передъ нимъ вмѣстѣ съ фруктами.

Вдовушка, какъ будто высказавъ все, что у нея было на душѣ, почувствовала облегченіе, сдѣлалась веселѣе и съ большою любезностью угощала посла.

Коханъ, исполнивъ порученіе, началъ рассказывать о своемъ королѣ, его силѣ, могуществѣ и богатствѣ.

— Пусть себѣ люди говорятъ о насъ, что хотятъ,—произнесъ онъ,—что будто нашъ край пустыненъ; что у насъ нѣтъ каменныхъ городовъ; что мы ходимъ въ звѣриныхъ шкурахъ и питается одной кашей и мукой—все это намъ не въ укоръ!.. Но если-бъ вы видѣли королевскую сокровищницу, а въ ней—груды серебра и золота, цѣлыя бочки

жемчуга, сотни кусковъ суконъ и разной парчи, тысячи дорогихъ мѣховъ, разной драгоценной утвари и посуды, достаточной для одновременнаго приѣма нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, то навѣрное не сказали бы того, что говорятъ наши враги; тогда вы знали бы, каковъ есть на самомъ дѣлѣ польскій король. При нашемъ дворѣ, точно такъ-же, какъ и при венгерскомъ, у его сестры, королевы Елисаветы, всегда полно рыцарей, много умныхъ людей, пѣвцовъ, музыкантовъ... Да и жизнь у насъ далеко не такъ скучна, какъ быть можетъ многимъ кажется издалека.

— Я вѣрю тому, что вы говорите, — отозвалась Христина. — Но какая мнѣ польза отъ этого? Вѣдь я ничего не увижу.

— Почему? — спросилъ Коханъ съ удивленіемъ. — Я не теряю надежды видѣть васъ когда-либо при нашемъ дворѣ.

Они взглянули другъ на друга.

— Для этого нужно, чтобы король былъ свободенъ и я сдѣлалась его женой, — отвѣтила она. — Иначе вы меня не увидите тамъ!

— Все на свѣтѣ случается, въ особенности ради любви, — сказалъ Рава, помолчавъ и подумавъ, — но для этого-же нужно, чтобы любовь была взаимной.

Вдова отвѣтила на это значительнымъ взглядомъ, подумала и затѣмъ спросила:

— Предполагаете ли вы опять быть въ Прагѣ съ вашимъ государемъ?

— Прежде мы часто бывали здѣсь и — дастъ Богъ — будемъ еще не разъ... Навѣрное, ваши прекрасные глазки привлекутъ насъ сюда...

Выпивъ вина изъ чары венеціанскаго стекла за здоровье вдовы, Коханъ вынулъ перчатки изъ-за пояса и собрался уйти.

— Скажите мнѣ какое-либо доброе слово на прощанье, — сказалъ онъ, — чтобы я могъ снести его моему государю и чтобы намъ легче было уѣзжать отсюда.

— Скажите, что я очень благодарна ему за память, но еще болѣе буду благодарной, если онъ забудетъ меня. Къ моему сердцу дорога только черезъ церковь изъ-подъ вѣнца!

Рава почтительно поклонился, но на его губахъ мелькнула ироническая улыбка. Тѣмъ не менѣе, онъ увѣрилъ ее, что онъ

точно исполнить ея порученіе, распрощался и, не спѣша, вернулся въ замокъ къ королю.

Однако онъ не находилъ нужнымъ передать ему весь разговоръ съ Христиной: онъ только передалъ ей кольцо и сказалъ, что она сочувствуетъ ему, будетъ ждать его и не лишаетъ надежды...

— Правда, она черезчуръ дорожить собою, — прибавилъ онъ въ заключеніе, — говоритъ о церкви и о вѣнцѣ. Но вѣдь это пѣсня, которую поютъ всѣ женщины. Ей будетъ жалко потерять короля, равнаго которому ей не найти во всемъ свѣтѣ... Стоить только приготовить хорошенькій замокъ, дворъ и небольшую сокровищницу, какъ эта птичка сама влетитъ въ золоченую клетку.

Такъ думалъ Коханъ, но очень ошибался въ своихъ расчетахъ. Семья Рокичановъ считалась въ Прагѣ самой извѣстной и богатой. Миклашъ Рокичанъ, мужъ Христины, умершій въ 1346 году, построилъ церковь Св. Духа въ Старомъ городѣ на собственные средства и не разъ выручалъ деньгами короля Яна, императора и городъ. Всѣмъ этимъ вдова могла гордиться и всѣ ея родственники слѣдили за ея нравственностью.

Въ Прагѣ ужъ заговорили, что польскій король влюбился въ Христину, но всѣ пожимали плечами и доказывали, что изъ этой любви ничего не выйдетъ: для наложницы она была черезчуръ горда, ибо очень заботилась о своей славѣ, а для жены... король, будучи женатымъ, не могъ жениться на ней.

Андрей, который съ ревностью любовника слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось у нея, узналъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда Казимира къ ней пріѣзжали отъ него послы съ подарками; но онъ только пожималъ плечами и смѣялся, такъ какъ черезчуръ хорошо зналъ Христину и не боялся за нее.

М

Король Казиміръ, вернувшись въ Краковъ, не давалъ Кохану покоя. Онъ былъ сильно занятъ вдовою и точно помолодѣлъ. Можетъ быть не столько красота и прелести имѣли у него значеніе, сколько ея величіе и воспитаніе.

Рава, видя такое увлеченіе Казимира, ломалъ голову, ка-

кимъ путемъ склонить вдовушку отнестись къ нему сочувственно. Онъ ужъ два раза ѣздилъ тайно въ Прагу и оба раза получилъ тотъ же отвѣтъ, что дорога къ ея сердцу только черезъ церковь: жена Аделаида являлась камнемъ преткновенія, и хотя всѣ говорили о возможности расторженія брака, но никто однако не брался выхлопотать его у папы.

Несмотря на важныя государственныя дѣла, которыми король былъ занятъ въ это время, красивая вдовушка не выходила у него изъ головы. Доведя дѣло о тѣсномъ объединеніи Мазовіи съ королевствомъ и установивъ высшій судъ по образцу нѣмецкихъ законовъ въ Краковѣ, король Казиміръ, понуждаемый своей сестрой и племянникомъ къ завѣщанію послѣднему польскаго престола, — тѣмъ болѣе беспокоился объ отсутствіи у него прямого наслѣдника. Бракъ съ Аделаидой Гессенской отнималъ у него всякую надежду на потомство.

Въ одну изъ минутъ его раздражительнаго состоянія, вызваннаго такимъ положеніемъ вещей, пріѣхалъ настоятель тынецкаго монастыря, отецъ Янъ. Заставъ его сильно опечаленнымъ и грустнымъ, онъ вынужденъ былъ пустить въ ходъ всю свою энергію, остроуміе и краснорѣчіе, чтобы развеселить его. Король не скрывалъ передъ нимъ причины своего огорченія и поэтому прямо сказалъ:

— Эта проклятая ворожея была права: не везетъ мнѣ и — конечно!... Я дѣлаю все для государства, что было мною намѣчено, но счастья не могу найти... Я не осуждаю покойнаго короля Яна и императора Карла, что они умышленно надѣли на меня тяжелое ярмо, но если-бъ они не женили меня на Аделаидѣ, то у меня могли бы быть наслѣдники, мой племянникъ Людовикъ не вырвалъ бы у меня изъ рукъ короны и я не былъ бы послѣднимъ въ роду...

Настоятель, какъ мы уже сказали, былъ однимъ изъ самыхъ легкомысленныхъ людей, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касалось выгоднаго освѣщенія и объясненія неправильностей церковныхъ законовъ. У него были на все средства.

— Но вѣдь я ужъ сказалъ вашему величеству и повторяю, — отозвался онъ, — что бракъ, безъ сожительства, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, не имѣетъ никакого значенія по каноническому уставу. Вы совершенно свободный человѣкъ, можете

жениться и дѣйствовать соотвѣтственно съ вашимъ положеніемъ, нужно быть только рѣшительнымъ.

Король изумился.

— Да, — продолжалъ настоятель, — этого брака нельзя считать совмѣстнымъ сожителствомъ.

— Но какой же дѣхъовникъ можетъ повѣнчать меня, прежде чѣмъ папа расторгнетъ бракъ? — возразилъ Казиміръ. — А ждать пока разрѣшеніе придетъ изъ Авиньона, то и вся жизнь пройдетъ... Никто не согласится повѣнчать.

Настоятель поклонился и, смѣясь, воскликнулъ:

— Я повѣнчаю, ваше величество! Правда, для вѣнчанія царственной четы нуженъ, по меньшей мѣрѣ, епископъ, но съ Бозантомъ вамъ трудно будетъ прійти къ соглашенію, а я хоть и не епископъ, имѣю епископскую митру, надѣвъ которую выгляжу не хуже всякаго епископа.

Королю показалось это настолько неправдоподобнымъ, что онъ обратилъ въ шутку его обѣщаніе. Однако, настоятель поворилъ его.

— Вы только найдите себѣ, ваше величество, женщину, которая пришлась бы вамъ по сердцу, а я не возьму обратно своихъ словъ и обязательно повѣнчаю.

Казиміръ призадумался. Онъ больше не говорилъ объ этомъ, но запомнилъ его обѣщаніе.

Вечеромъ Коханъ зашелъ къ настоятелю въ его помѣщеніе побесѣдовать о королѣ, и когда онъ началъ соболѣзновать, что король испытываетъ ужасныя мученія, вслѣдствіе его бездѣтельности и одинокой жизни, монахъ прервалъ его:

— Ну, чего вы оба постоянно ноете! Я ужъ говорилъ королю и вамъ повторяю: пусть онъ найдетъ себѣ жену, а я повѣнчаю... Я! — слышите? — я никого не боюсь... Папа, обсудивъ дѣло, навѣрное признаетъ бракъ съ Аделаидой не дѣйствительнымъ. Да и какое это можетъ быть супружество, когда они пятнадцать лѣтъ живутъ врозь и не имѣютъ супружескихъ отношеній! Навязали какую-то противную бабу и хотятъ, чтобы онъ жилъ съ нею.

— Но возможно ли это? — спросилъ Рава.

— Разумѣется, возможно, только нужно быть отважнымъ и смѣлымъ, такимъ, какъ я, — отвѣтилъ о. Янъ.

— Въ отвагѣ у него нѣтъ недостатка! Онъ измучился безсемейною жизнью и всякія любовныя похождения опротивѣли ему. Но какая же княжна или, вообще, высокорожденная дѣвушка согласится выйти за него, когда существуетъ еще большое сомнѣніе... когда...

— А вамъ необходимо взять княжну?! — разсмѣялся настоятель. — Вѣдь королевскій ребенокъ, рожденный какою бы то ни было женой, будетъ такимъ же королевичемъ, какъ будто въ немъ текла кровь какой-либо княжны. Только бы она была молодою, пріятною его сердцу и могла дать ему потомка. Пусть возьметъ ту, которая ему понравится...

И настоятель сдѣлалъ жестъ, какъ будто онъ уже благословлялъ брачующихся.

— Я повѣнчаю! — повторилъ отъ.

Боханъ призадумался.

— Гмъ!.. — отозвался онъ наконецъ, — король, будучи въ гостяхъ у императора Карла въ Прагѣ, высмотрѣлъ одну женщину, которая ему сильно приглянулась...

— Какого званія?

— Богатая мѣщанка, которая, однако же, принята при царскомъ дворѣ, и онъ познакомился съ нею на придворныхъ забавахъ. Хотя она не особенно молода, но красивая, честная и серьезная... Это вдова Рокичана...

Настоятель Янъ быстро повернулся къ нему. Онъ не разъ бывалъ въ Прагѣ и зналъ тамошнее общество.

— Я знаю ее! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь ея мужъ построилъ церковь св. Духа на собственные средства. Хотя она мѣщанка, но родъ Рокичановъ знаменитъ. Она очень красива и о ней никто не скажетъ худого слова.

— Это правда, но для королевы этого мало.

— Въ такомъ случаѣ — ищите другую. Въ Пруссіи есть много дѣвушекъ на княжескихъ дворахъ, но оттуда ему не дадутъ вторую жену.

Онъ покачалъ головой, подумалъ, а затѣмъ прибавилъ:

— Но это не мое дѣло... и не мнѣ быть сватомъ. Пойщите другую, а я, — что сказалъ, то исполню... повѣнчаю, какъ Богъ святъ — повѣнчаю!

— А что скажете на это епископъ краковскій?—спросилъ Рава.

— Пусть говорить что знаетъ: я не боюсь, — возразилъ настоятель.

Коханъ ушелъ, глубоко призадумавшись.

На слѣдующее утро всѣ поѣхали на охоту, и кто не зналъ настоятеля, то навѣрное не догадался бы, что это монахъ бенедиктинскаго ордена и къ тому же игуменъ. Онъ былъ въ короткой одеждѣ, съ маленькимъ мечомъ у пояса, который якобы дозволялось носить духовнымъ лицамъ для защиты, въ особенности на охотѣ, гдѣ можно было встрѣтиться съ лютымъ звѣремъ, ѣхалъ на великолѣпной лошади, сидя на ней какъ настоящій рыцарь, и въ плащѣ, небрежно накинутомъ на плечи. Будучи молодымъ, статнымъ и красивымъ, въ немъ не оставалось ничего духовнаго. Только вслѣдствіе усвоенной имъ привычки благословлять каждаго, кто кланялся ему, можно было догадаться, что это священникъ.

Онъ былъ чрезвычайно добрый и ласковый; любилъ свободные разговоры и веселую компанію; былъ снисходительнымъ къ чужимъ недостаткамъ и слабостямъ, за что духовенство косо смотрѣло на него, но онъ не обращалъ на то вниманія.

Король очень полюбилъ его и старался приблизить къ себѣ. Во время охоты, когда охотники расположились отдохнуть на лужайкѣ, настоятель, лежа на землю, возобновилъ вчерашній разговоръ.

— Ваше величество!—сказалъ онъ.—Надѣюсь, вы не забыли нашу вчерашнюю бесѣду?.. Ищите невѣсту: священникъ готовъ... Коханъ намекалъ мнѣ что-то о Рокичанѣ...

Король вздрогнулъ: онъ самъ думалъ о томъ со вчерашняго дня, но не рѣшался заговорить и теперь отвѣтилъ:

— Женщина, которую я видѣлъ при царскомъ дворѣ, очень недурна собою, всѣ съ уваженіемъ относятся къ ней и уступаютъ ей первыя мѣста... Не скрываю, она чрезвычайно нравится мнѣ и мое сердце льнетъ къ ней... По-моему, корона была бы ей къ лицу...

— Послѣ многихъ лѣтъ мученья, имѣя то, чего нельзя было любить, надо заботиться о будущемъ и поискать жену,

которую можно любить. Развѣ короли не женились на мѣщанкахъ? Напротивъ! женились даже на крестьянкахъ... Если она мила вамъ, то нечего и искать другую.

Король покраснѣлъ и протянулъ ему руку.

— Погодите, отецъ настоятель,—сказалъ онъ,—кто знаетъ? Быть можетъ я и напомню вамъ сказанное...

Настоятель повторилъ, что онъ не возьметъ своего слова обратно и всегда радъ услужить.

Вернувшись послѣ охоты въ Краковъ, въ тотъ же день вечеромъ, король оторвалъ Кохана отъ игры въ шахматы и позвалъ къ себѣ.

— Слушай, Коханъ,—отозвался онъ съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое онъ проявлялъ, когда что-либо принималъ близко къ сердцу...—Тебѣ придется... придется...

Онъ замылся и, наконецъ, подумавъ, рѣшительно прибавилъ:

— Тебѣ придется послать въ Прагу. Но мнѣ желательно, чтобы никто не зналъ о томъ, что я поѣду туда.

Для Равы это было не затруднительно.

— Что-жъ тутъ удивительнаго?—возразилъ онъ.—Поѣдемъ какъ будто на охоту, и кто за нами станетъ слѣдить?.. А въ дорогѣ можно притвориться такъ, чтобы никто не узналъ...

— Ну, а въ Прагѣ?.. Надо послать нарочнаго...

Коханъ догадался, въ чемъ дѣло, и быстро отвѣтилъ:

— Если надо съѣздить къ Рокичанѣ, то я готовъ.

— Но вѣдь твои поѣздки туда ни къ чему не привели. Я долженъ самъ поговорить съ нею. Настала рѣшительная минута... Отецъ Янъ общается повѣнчать... Я рѣшился на все только бы престолъ не перешелъ въ другія руки... и чтобы корона не досталась Людовику... Хотя Рокичана мѣщанка, но она достойна быть королевой.

Конечно, Рава отнюдь не сопротивлялся тому. Добекъ Бончъ, прозванный Фредрой, могъ сопутствовать королю, ради его безопасности, такъ какъ на его силу, отвагу и присутствіе духа вполне можно было положиться.

Такимъ образомъ, переговоривъ наскоро, было рѣшено, что Коханъ поѣдетъ впередъ, днемъ раньше, а король выѣдетъ на слѣдующій день съ маленькой свитой, инкогнито.

Черезъ нѣсколько часовъ, передъ самымъ разсвѣтомъ, Коханъ двинулся въ путь ближайшей дорогой въ Прагу. Онъ ѣхалъ по проселкамъ и разнымъ тропинкамъ для сокращенія времени и пути. Онъ заранѣе намѣтилъ остановиться въ Старомъ городѣ, въ гостиницѣ мѣщанина Вуйки, у котораго ужъ останавливался два раза; но надо было подумать о королѣ, гдѣ бы его незамѣтно приютить и устроить свиданіе съ Рокичаной.

Коханъ рассчиталъ такъ, чтобы пріѣхать въ сумерки, передъ самымъ запоромъ городскихъ воротъ, и отправиться къ Вуйкѣ, который, какъ онъ былъ увѣренъ, хорошо приметъ его, потому что онъ щедро платилъ ему. Кромѣ того, его дочь Зоня, очень милая и веселая дѣвушка, привлекала его, и онъ зналъ, что она обрадуется его пріѣзду.

Всѣ знали или, по крайней мѣрѣ, догадывались, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Прагу, и поэтому не скрывались. Въ особенности такая болтуня, какъ Зоня, которая не могла удержать своего языка за зубами, всѣмъ разблаговѣстила.

Когда Коханъ пріѣхалъ и началъ переодѣваться въ отведенной ему комнаткѣ, Зоня, стоя на крылечкѣ, замѣтила проходившаго мимо нея Андрея. Она знала о его любви къ Христинѣ, сочувствовала ему и часто шутила надъ нимъ. Онъ шелъ призадумавшись, съ опущенной головой. Увидѣвъ его, молодая дѣвушка быстро прыгнула къ нему и почти надъ самымъ ухомъ сказала:

— Повѣсься, Андрей, повѣсься! Твою Христину все-таки отнять отъ тебя!.. Опять пріѣхалъ посолъ отъ польскаго короля, съ подарками, и хоть бы она была каменная, то должна смягчиться!.. Счастливая женщина!

Андрей остановился и сильно нахмурился; ему только этого и нужно было, потому что ужъ давно подкарауливалъ Раву, съ намѣреніемъ отвадить его отъ вдовы.

Зоня, пошутивъ надъ нимъ, убѣжала къ себѣ на верхъ, а Андрей притаился за угломъ каменнаго дома.

— Хотя «они» ничего не сдѣлаютъ, — подумалъ онъ, — но пусть лучше не ходятъ и не отнимаютъ у нея доброй славы... Пора положить предѣлъ ихъ ухаживанью.

Уже смеркалось, когда Коханъ вышелъ изъ гостиницы,

отправляясь къ вдовѣ. Но едва онъ показался на улицѣ, какъ Андрей загородилъ ему дорогу.

Рава, не зная его и думая, что онъ принялъ его за кого-либо другого, проворчалъ что-то и хотѣлъ обойти нахала, но Андрей схватилъ его за полу и остановилъ.

— Не бойтесь!—сказалъ онъ, — я не разбойникъ, знаю, кто вы, куда идете и хочу съ вами поговорить.

— Но я не знаю, кто вы!—возразилъ Коханъ, хватаясь за мечъ,—и не имѣю желанія разговаривать съ вами!

— Я здѣшній купецъ Ендржикъ и меня всѣ знаютъ!—произнесъ Андрей, не пуская Кохана, — и вы должны со мной поговорить...

Коханъ сначала смутился, а затѣмъ крикнулъ:

— Никто не заставитъ меня силою!

Въ этотъ моментъ купчикъ наклонился къ его уху и что-то шепнулъ. Коханъ смягчился и молча прошелъ съ нимъ въ его домъ, находившійся по близости отъ дома Вуйки.

Купецъ зажегъ огонь и приказалъ подать вина, а затѣмъ сѣлъ за столъ противъ Равы и такъ началъ:

— Вы опять пріѣхали?... Но все это напрасно! Король или не король, но онъ не возьметъ Рокичаны безъ вѣнца. Я ее знаю съ дѣтства. Если-бъ она даже хотѣла, то ей не позволять ни родственники, ни друзья... Поэтому зачѣмъ напрасно давать пищу злымъ языкамъ!..

Онъ помолчалъ минуту, посмотрѣлъ на Раву огненными глазами и прибавилъ съ большею отвагою:

— Правду сказать, я ей ни братъ, ни свать и не нахожусь даже въ далекомъ родствѣ; но я люблю ее съ дѣтства, и хотя изъ этой любви ничего не выходитъ, кромѣ непріятности, а все-таки любить ее не перестану. Она высоко стоитъ для меня, но я никому не позволю обидѣть ее. А вы знаете, что влюбленные способны на всякое безуміе... Итакъ, замѣтьте, что я вамъ скажу: если кто-нибудь осмѣлится запятнать ея добрую славу, то я готовъ на все... У нея нѣтъ мужа, а родственники, — Богъ ихъ знаетъ, — заступятся ли, но я — какъ Богъ святъ — не дамъ ее въ обиду! Хотя я человекъ маленький и только купецъ, но это не бѣда: у меня есть руки и я не пожалѣю потерять за нее до послѣдняго гроша...

Онъ не кончилъ, стукнулъ кулакомъ по столу, взглянулъ на Раву, закусилъ губу и ждалъ отвѣта.

Коханъ, какъ человѣкъ опытный, умѣлъ владѣть собою, быть хладнокровнымъ или горячимъ, смотря по надобности, и всегда придерживался такого правила: съ горячимъ онъ былъ хладнокровенъ, а съ хладнокровнымъ—горячъ и сердитъ. Имѣя передъ собою разгорячившагося Андрея, который едва сдерживалъ себя, онъ нарочно былъ равнодушенъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—я положительно не понимаю, чего вы хотите. Я не стану лгать: дѣйствительно, король посылаетъ меня къ Христинѣ, которая гонить меня вонъ. Но она вдова и сама себя госпожа.

— Хе-хе!—прервалъ его Андрей, — но она женщина и за нею надо смотрѣть...

— У нея есть покровители въ лицѣ братьевъ ея мужа.

— Но они не могутъ такъ досмотрѣть за нею, какъ я... Лучше скажите, что вамъ нужно отъ нея,—рѣзко прибавилъ Андрей. — Вы хотите, чтобы она поѣхала въ Краковъ? Обѣщаете ей богатство, золотыя горы? А?

Коханъ пожалъ плечами.

— Я не намѣренъ исповѣдываться передъ вами, — возразилъ онъ, — и скажу только, что вы напрасно портите свою кровь. Она умная женщина и ее не проведешь.

— Да, это правда!—воскликнулъ Андрей. — Но, она—женщина, а онъ—король!

— Мало того, что король, но и человѣкъ, который не позволить себѣ никого обидѣть.

Оба взглянули другъ на друга, мѣряя глазами. Но игра была неравная. Коханъ былъ хитрый придворный, а Андришка—простой человѣкъ и къ тому же горячій.

— А я вамъ вотъ что скажу,—кипятился Андрей,—если вы обидите Христину, то я не прощу...

При этомъ онъ оперся на руку.

— Вспомните исторію Амадеевъ въ Венгріи,—продолжалъ онъ.—Здѣсь всѣ знаютъ о ней. Хотя отецъ Клары палъ жертвой за честь дочери и не отомстилъ за нее, но Христина мнѣ дороже, чѣмъ дочь отцу... У меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни родныхъ, и она для меня одна, какъ солнышко на небѣ...

Коханъ качалъ головою.

— Ну, а дальше что?—спросилъ онъ.—Вы все сказали и я васъ выслушалъ... значить — вы кончили и я вамъ могу прибавить, что мы, будучи предупрежденными вами, будемъ знать, что намъ дѣлать и менѣ бояться васъ. Прощайте!

Андрей, видя, что Коханъ всталъ, выведенный изъ терпѣнья его хладнокровіемъ, тоже вскочилъ.

— Я предостерегъ васъ, какъ честный человѣкъ, такъ какъ не хотѣлъ нападать на васъ врасплохъ.

— А вы думаете, что мы испугаемся васъ?

Андрей запустилъ свою руку въ густые волосы и, вырывая ихъ, воскликнулъ:

— Это ваше дѣло; а я готовъ потерять весь свой капиталъ и нанять хоть пятьдесятъ или сто человѣкъ...

— Ну, а мы можемъ поставить хоть триста и болѣе, — разсмѣялся Коханъ. — Но зачѣмъ все это и зачѣмъ намъ понапрасну толочь воду въ ступѣ?!

И онъ хотѣлъ опять встать. Андрюшка вышелъ окончательно изъ терпѣнья.

— Прекратите вы свои поѣздки, — воскликнулъ онъ, — ибо я говорю вамъ, что изъ нихъ ничего не выйдетъ... и вы напрасно кружите голову молодой вдовѣ. На ней можетъ сѣсть кто-либо изъ богатыхъ мѣщанъ или купцовъ...

— Или вы?

— Нѣтъ! Я для нея черезчуръ ничтоженъ и самъ не думаю о томъ, но не допущу испортить ея жизнь и судьбу... Оставьте ее въ покоѣ!..

— Но вы знаете, что я королевскій слуга и не могу сопротивляться его приказанію.

— Скажите королю!..

Рава махнулъ равнодушно рукою.

— Извините! — сказалъ онъ, рѣшительно вставая. — Вы хотѣли поговорить со мною, я удовлетворилъ ваше желаніе, выслушалъ васъ и — челомъ вамъ!.. Мнѣ нѣкогда.

Андрей проворчалъ что-то, обозлившись на себя, что онъ не могъ ничего сдѣлать, и ужъ не удерживалъ Кохана.

Коханъ пошелъ прямо къ Рокичанѣ, которую, однако, не засталъ дома, какъ и ея старой подруги. Последнюю онъ

успѣлъ расположить въ свою пользу при каждомъ посѣщеніи различными подарками, да и слуги не были обижены имъ, а потому его выпустили въ пріемную и предложили подождать, пока она вернется со свадьбы въ Новомъ городѣ. Отсутствіе ея изъ дому случилось какъ бы на зло ему. Было уже не рано и онъ долженъ былъ поискать еще безопасное помѣщеніе для короля, а потомъ выѣхать къ нему навстрѣчу, а тутъ приходилось ждать.

Она вернулась позднимъ вечеромъ, вся разодѣтая и разукрашенная драгоценностями, въ сопровожденіи какого-то мужчины, который, по мнѣнію Рава, былъ обожателемъ Христины, вѣроятно обѣдѣвшимъ барономъ съ царскаго двора и, очевидно, ухаживавшимъ за ней скорѣе изъ-за денегъ, чѣмъ изъ-за красоты. Онъ грозно смѣрилъ Кохана взглядомъ, нахмурился и, попросившись, быстро ушелъ.

Молодая вдовушка на сей разъ не рада была его посѣщенію и приняла его далеко не любезно.

Но Коханъ, не смущаясь этимъ, шепнулъ ей на ухо, что король Казиміръ посѣтитъ ее завтра инкогнито.

Услышавъ это, Рокичана съ ужасомъ всплеснула руками.

— Зачѣмъ?—спросила она.—Неужели онъ желаетъ лично услышать отъ меня тотъ же отвѣтъ, который я ужъ не разъ передавала черезъ васъ? Напрасны его мечты и надежды; онъ не купитъ меня ни за какія деньги. Съ какою цѣлью онъ ѣдетъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ Рава. — Можетъ быть затѣмъ, что-бы хоть взглянуть на васъ... Что-жъ тутъ удивительнаго?

— Да! — воскликнула она огорчительно. — Для него это пустяки, а что будетъ со мною послѣ его посѣщенія, когда свои и чужіе станутъ насмѣхаться надо мною и указывать пальцами? Вы думаете, что, какъ бы вы ни скрыли его въ Прагѣ, люди не узнаютъ о немъ?

Она разсердилась, заплакала и, закрывъ платкомъ глаза, пошла въ другую комнату. Коханъ пошелъ за ней.

— Не мое дѣло, — сказалъ онъ въ утѣшеніе, — съ какою цѣлью король ѣдетъ къ вамъ; я только могу сказать, что если въ этотъ разъ онъ напрасно пріѣдетъ, то ужъ больше вы не увидите его. Онъ везетъ вамъ важное слово!

— Какое слово? — быстро взглянув на Раву, спросила Рокичана.

— Сами услышите, — возразилъ онъ помолчавъ. — Будьте съ нимъ любезны и мягки... Мнѣ кажется, что васъ ждетъ большее счастье, чѣмъ вы ожидаете.

Коханъ усмѣхнулся и ушелъ, оставляя вдовушку въ размышленіи, какое такое важное слово король могъ сказать ей.

Въ этотъ вечеръ ужъ ничего нельзя было сдѣлать, вслѣдствіе поздняго времени, и Коханъ вернулся къ Вуйкѣ и его дочери Зонѣ, съ которою провелъ остатокъ его въ веселыхъ шуткахъ, шалостяхъ и смѣхѣ, потому что дѣвушка была ужасная хохотунья, обольстительна и свѣжа, какъ ягода. Между всякими шутками и двусмысленными словами, Зоня вдругъ серьезно шепнула Кохану:

— Если вы увезете Рокичану въ Польшу, то устройте такъ, чтобы она взяла меня старшей изъ ея фрейлинъ, и мы будемъ тамъ каждый вечеръ веселиться съ вами вдвоемъ — точно такъ же, какъ и здѣсь.

— А можетъ быть и лучше!.. — разсмѣялся Коханъ. — Хорошо, если вы согласны...

— О, я охотно поѣду съ Рокичаной... я буду тамъ оберегать ее отъ всякихъ невзгодъ...

Причемъ она шепнула ему что-то на ухо.

— Во всякомъ случаѣ, — прибавила она, — ей нужны будутъ фрейлины... вѣдь у нея будетъ свой дворъ.

Рава общалъ ей полушутя, полусерьезно, пристроить ее къ Рокичанѣ, за что получилъ въ награду поцѣлуй, не то насильно сорванный имъ, не то данный по собственному ея желанію, но многообщающій.

Послѣ тихаго разговора съ Вуйкомъ, котораго Коханъ долженъ былъ посвятить въ свое дѣло, оказалось, что королю лучше всего было остановиться въ какомъ-либо изъ монастырей въ Старомъ городѣ, гдѣ ему легче всего было скрыть свое инкогнито. А такъ какъ всѣ монашескіе ордены были тѣ же, что и въ Краковѣ, и имѣли между собою сношенія, то это казалось тѣмъ болѣе легкимъ и вполне возможнымъ.

Въ виду этого, Коханъ отправился къ пріору доминиканскаго

монастыря, съ которымъ разговаривалъ наединѣ и получилъ слово, что монастырь приметъ короля и не выдастъ его тайны.

Устроивъ это дѣло, Коханъ сѣлъ на коня и одинъ отправился навстрѣчу Базимира. Но, очевидно, сама судьба была на сей разъ противъ него, дѣлала ему разныя препятствія и отнимала дорогое время. Едва онъ отбѣхалъ нѣсколько шаговъ отъ дома Вуйки, какъ встрѣтился съ тѣмъ самымъ камергеромъ, котораго вчера видѣлъ у вдовушки Христины Рокичаны, барономъ Гашемъ. Онъ тоже былъ верхомъ.

Увидѣвъ его издали, Коханъ хотѣлъ избѣгнуть встрѣчи и проѣхать мимо; но баронъ, очевидно, ожидавшій его, подбѣхалъ къ нему и довольно невѣжливо заговорилъ. Рава, непривыкшій переносить ни отъ кого небрежнаго тона, промолчалъ и далъ шпоры коню, желая отплатить ему презрѣніемъ и уѣхать, но Гашъ погнался за нимъ:

— Не уйдете отъ меня!—крикнулъ онъ.—Я знаю, кто вы и что вчера дѣлали у Христины. Посломъ ли вы прибыли сюда, или сами по себѣ, но вы должны раньше посчитаться со мною, прежде чѣмъ добратся до моей вдовы.

— Какъ—вашей?—спросилъ Рава, вспыхнувъ и останавливаясь.

— Моей, потому что я ухаживаю за ней и не привыкъ видѣть рядомъ съ собою другихъ ухаживателей.

Коханъ презрительно разсмѣялся.

— Если вы знаете, кто я,—воскликнулъ онъ,—то должны знать также, что я не для себя прибылъ сюда.

— Гмъ!.. Люди всяко говорятъ. Вы—слуга короля, и говорятъ, что вы хотите жениться для него...

Рава покраснѣлъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ сухо,—я такой же дворянинъ и рыцарь, какъ вы, и послѣ того, что вы сказали, мнѣ больше ничего не остается, какъ вызвать васъ на дуэль. Но сегодня мнѣ некогда, а завтра—я къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Гашъ, отдувая губы,—до завтра...

Коханъ заботился, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы своевременно встрѣтить короля, а потому бросилъ ему очень ловко перчатку на сѣдло, дернулъ коня и умчался...

Нѣмецъ не погнался за нимъ. Онъ постоялъ минуту, подумалъ, а потомъ ужъ поздно было гнаться.

Отдѣлавшись отъ него вызовомъ, Коханъ выѣхалъ изъ города по дорогѣ къ Бракову и, промчавшись значительное расстояние, сдержалъ коня.

Выбравъ мѣстечко у лѣса, онъ слѣзъ съ него, скрылся въ заросляхъ и началъ ждать пріѣзда государя...

Уже порядочно смерклось, когда вдали показался королевскій отрядъ. Коханъ сразу узналъ его, хотя онъ былъ далеко не большой и не блестящій. Въ немъ было не болѣе полутора десятка человѣкъ, одѣтыхъ бѣдно и невзрачно. Оружіе, хотя и хорошее, было подобрано такъ, чтобы оно не бросалось въ глаза. Самъ король, чтобы не обращать на себя вниманія, ѣхалъ позади отряда, а впереди Добекъ Бончъ, котораго забавлялъ этотъ маскарадъ.

Коханъ, увидѣвъ этотъ отрядъ, слѣзъ на коня и подѣхалъ къ королю отдать ему отчетъ въ порученіи. Свита остановилась на минуту... Долго нельзя было стоять, такъ какъ нужно было попасть въ городъ до запора воротъ.

Рава нашелъ лишнимъ сообщать королю объ Андреѣ, но о баронѣ Гашѣ и вызовѣ его на дуэль онъ ужъ никакъ не могъ умолчать.

Король омрачился, приписывая это столкновеніе неосторожности своего фаворита; благодаря ей, пребываніе Равы въ Прагѣ было обнаружено, а потому могло быть обнаружено и его.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, всѣ выѣхали въ городъ, сказавъ у воротъ, что они польскіе землевладѣльцы и пріѣхали по своимъ надобностямъ. Впрочемъ, тамъ не обратили на нихъ особеннаго вниманія, такъ какъ между двумя сосѣдними державами были постоянныя сношенія, какъ чеховъ съ поляками, такъ и поляковъ съ чехами, и каждый день оба народа посѣщали союзные между собою города.

Рава проводилъ короля по маленькимъ улицамъ и переулкамъ въ доминиканскій монастырь.

Въ тотъ же вечеръ онъ оповѣстилъ вдову о пріѣздѣ короля и позаботился о завтрашней дуэли съ барономъ Гашемъ, для которой нужно было найти свидѣтелей.

Прекрасная Рокичана, сидѣла ли она дома, или собиралась въ гости, или ожидала ихъ у себя, каждый день посвящала много времени на свой туалетъ, стараясь аккуратно поддерживать свою красоту, свѣжесть лица и изящество нарядовъ.

Злые языки доказывали, что она пользовалась для сохраненія этой красоты какими-то таинственными и дорого стоящими косметическими средствами, въ видѣ разныхъ душистыхъ водъ, элексировъ, духовъ, помадъ и проч., которые не только сохраняли, но даже прибавляли красоту. Для этого у нея была особая комната, въ которую она никому не позволяла входить, и ключъ отъ нея всегда носила при себѣ. Даже горничнымъ и камеристкамъ нельзя было войти туда, такъ какъ она по утрамъ, вставъ съ постели, отправлялась туда и запиралась на ключъ. Только одна ея старая родственница и подруга пользовалась исключеніемъ и имѣла право входа въ ея уборную: она входила вмѣстѣ съ нею и обѣ онѣ тотчасъ запирались. Послѣ этого приходилось долго ждать выхода полуодѣтой вдовы...

Это обстоятельство чрезвычайно интересовало слугъ, которые наблюдали за нею, заглядывали въ комнату, когда она входила туда, смотрѣли въ замочную скважину, но ничего не видали, потому что ключъ былъ такъ плотно пригнанъ, что не оставлялъ ни малѣйшей щелочки.

Въ особенности вдовушка оберегала ключъ и всегда носила его у пояса подъ платьемъ даже при самомъ роскошномъ нарядѣ, и слуги теряли всякую надежду на открытіе ея тайны.

Изъ этого таинственного охраненія ключа камеристки выводили заключеніе, что она занимается чародѣйствомъ, которымъ руководить старая родственница и дѣвренная, называемая ими колдуньей... Онѣ обращались къ ней съ вопросами, какимъ образомъ достигается сохраненіе молодости и красоты, но та не могла отвѣтить, и только смѣялась и клялась, что ничего не знаетъ и не вѣдаетъ.

Дѣвушки знали, что старуха любила по вечерамъ пить грогъ, и она пила его на сонъ грядущій болѣе, чѣмъ нужно было возбудить сонъ. Онѣ хотѣли воспользоваться этой слабостью, угощали ее, тянули за языкъ, но ничего не узнали.

Такимъ образомъ, красота вдовушки оставалась таинственной, и напрасно онѣ добивались узнать тайну съ такой энер-

гійей: позднѣе секретъ этотъ сдѣлался общеизвѣстнымъ и искусственная красота не подлежала сомнѣнію.

Въ тотъ день, когда король долженъ былъ явиться съ визитомъ, вдовушка Рокичанъ просидѣла въ своей таинственной комнатѣ дольше, чѣмъ въ другіе дни, а послѣ того, какъ она вышла, тотчасъ опять удалилась въ ту же комнату, чего почти никогда не бывало. Выйдя черезъ нѣкоторое время, ее нельзя было узнать: до того она помолодѣла, сдѣлалась красивой и свѣжей.

Король Казиміръ, не ожидая полудня, одѣвшись очень скромно, въ бархатной шапочкѣ, надвинутой на глаза, отправился пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного Добека къ молодой вдовѣ. Послѣдняя ужъ ждала его въ богатомъ нарядѣ, съ безпокойствомъ поглядывая въ окна, чтобы принять высокаго гостя у порога. На лицѣ ея въ этотъ день не видно было ни радости, ни триумфа, а скорѣе — гордость, раздраженіе и озабоченность. Она никогда не была особенно ласковой и милой; напротивъ, ее всегда видѣли какъ будто омраченной. Даже среди самыхъ веселыхъ забавъ она не смѣялась искренно и отъ души. Но это приписывали ея вдовству и скукѣ по мужѣ. Смѣхъ на ея устахъ былъ рѣдкимъ гостемъ, и когда король вошелъ, то на ея лицѣ не было даже искусственной улыбки. Она привѣтствовала его глубокимъ поклономъ, съ большимъ уваженіемъ, но молча и повела его въ большую залу, убранную въ этотъ день самою богатою утварью и коврами.

Казиміръ, шедшій довольно быстро, взволнованно и съ безпокойствомъ, не обратилъ вниманія на окружавшее его: онъ смотрѣлъ на вдову, взялъ ее за руку, посадилъ подлѣ себя и началъ свою рыцарскую бесѣду съ того, что онъ не могъ выдерживать тоски по ней и поэтому прибылъ въ Прагу.

Рокичана слушала его нахмуренно. Казиміръ показалъ ей кольцо на своемъ пальцѣ, которое она подарила и, взглянувъ на ея руку, увидѣлъ свой перстень.

— Милостивый король! — отозвалась она, послѣ нѣкотораго молчанія, съ обдуманною заранѣе рѣчью: — я очень благодарна за ваше милостивое вниманіе ко мнѣ, которое умѣю цѣнить, но... люди заставляютъ меня дорого платить за него...

Казиміръ взглянулъ на нее.

— Люди? Какимъ образомъ?

— Они завистливы и злы, а потому немилосердно осуждаютъ каждый шагъ бѣдной и беззащитной вдовы. Одни ваши послы колятъ имъ глаза, а что же теперь будетъ, когда они узнаютъ, что вы лично удостоили меня своимъ посѣщеніемъ?

И она заломила свои бѣлыя руки.

— Умоляю, ваше величество, не губите меня!

Король прикоснулся къ ея рукѣ.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ,—успокойтесь! Я не попусту прибылъ къ вамъ. Выслушайте меня, такъ какъ эта минута будетъ рѣшительной какъ для меня, такъ и для васъ. Мнѣ столько же дорога ваша честь, сколько и вамъ, и я не желаю конфузить васъ передъ людьми. Вы сказали, что дорога къ вашему сердцу черезъ церковь—и я не боюсь ея. Я женюсь на васъ.

Яркій румянецъ залилъ лицо молодой вдовы; она задрожала и провела рукою по челу.

— Какъ же это можетъ случиться,—сказала она помолчавъ, когда всему свѣту извѣстно, что у васъ есть жена?

— И тому же свѣту извѣстно, что я пятнадцать лѣтъ не живу и даже не вижусь съ ней,—возразилъ король. — Я ужъ увѣдомилъ ея отца, чтобы онъ взялъ ее къ себѣ. Бракъ нашъ расторгнуть и папа утвердить его, а епископъ готовъ повѣнчать...

Рѣчь короля показалась ей странной; она не приготовилась къ отвѣту и сидѣла нѣкоторое время, точно онѣмѣвъ. Она ужъ чувствовала холодное прикосновеніе золотой короны къ своей головѣ, на плечахъ—пурпурную порфиру и золотой тронъ, на которомъ она возсѣдала рядомъ съ королемъ!

Но этотъ сонъ, какъ молнія, промелькнулъ въ ея головѣ.

— Ваше величество!—воскликнула она: — не обольщайте меня!.. Это не можетъ быть!

— Ручаюсь вамъ своимъ королевскимъ словомъ!—серьезно отвѣтилъ король. — Прежде я не могъ сказать этого, пока не убѣдился, что все, сказанное мною—возможно: насъ повѣнчаютъ.

Рокичана опустила голову, стиснула губы и ужъ не нашлась отвѣтить... Сонъ, который долженъ осуществиться: Рокичана королева!

Она взглянула на того, кто хотѣлъ быть ея мужемъ, и въ первый разъ рассмотрѣла его вблизи, въ блескъ солнечнаго

дня. Благородныя черты лица носили слѣды прожитыхъ лѣтъ и страданій, лобъ былъ изборожденъ морщинками, свѣжесть лица хоть исчезла, но оно было красиво и внушало уваженіе, а главное отличалось добротою, которая придавала ему еще больше пріятности.

Словомъ, онъ былъ симпатичный и здоровый мужчина, съ темно-русыми волосами, падавшими на плечи.

Король тоже смотрѣлъ на нее, ожидая отвѣта. Видя, что она не могла скоро собраться съ мыслями, онъ продолжалъ:

— Вы знаете, что у меня нѣтъ наслѣдника престола, и въ случаѣ, если Господь не благословитъ меня потомкомъ мужского пола, то корона перейдетъ къ племяннику, которому она уже обѣщана.. Но я еще надѣюсь, что вы, быть можетъ, будете матерью этого наслѣдника...

— Государь! — прервала Христина съ безпокойствомъ. — Заклинаю васъ, скажите мнѣ: правда-ли это?.. Не сонъ ли это и не самообманъ-ли? Возможно-ли это?...

— Я ужъ сказалъ вамъ, что насъ повѣнчаютъ... я прошу вашей руки и клянусь...

Король остановился и затѣмъ медленно прибавилъ:

— Да, я правду говорю.. Но такъ какъ я нахожусь въ ссорѣ съ епископомъ Краковскимъ ужъ нѣсколько лѣтъ, то насъ будетъ вѣнчать другой... А пока мы должны сохранить все въ тайнѣ, чтобы не встрѣтить никакихъ препятствій... Отецъ Аделаиды беретъ ее къ себѣ и я васъ введу въ замокъ.

Рокичана молчала. Все это казалось ей невозможнымъ, и она не могла прійти въ себя. Она сжала руками виски.

— О, государь! — воскликнула она: — вы сами знаете, могу ли я отказаться отъ короны и отъ такой чести для всего моего рода? Но... все это еще звучитъ въ моихъ ушахъ, какъ дивный сонъ. Позвольте мнѣ собраться съ мыслями и успокоиться. Я не знаю, что думать, что говорить и что дѣлать!..

Казиміръ, воспользовавшись моментомъ ея колебанія, поцѣловалъ ее въ лобъ, взялъ за руки и привлекъ къ себѣ. Онъ видѣлъ, что она была побѣждена и поддавалась.

— Отвѣчай же, прекрасная Христина, — наставлялъ король, — вѣдь ты даешь слово?

— А родственники? — спросила она.

— Оставь ихъ въ покоѣ... Время впереди и мы успѣемъ ихъ увѣдомить послѣ свадьбы! — возразилъ король. — Не могутъ же они воспрепятствовать твоему счастью!

— Позвольте мнѣ хоть немного подумать, — сказала она, — сжимая голову, въ которой все помутилось.

— О чемъ тутъ думать?! — произнесъ король съ нетерпѣньемъ. — Я пріѣхалъ сюда тайно. На царскомъ дворѣ не знаютъ обо мнѣ и не должны знать. Я долженъ немедленно возвратиться домой. Ни ждать, ни откладывать не хочу и не могу. Все надо тотчасъ рѣшить. Вы не должны никому говорить объ этомъ, чтобы не вызвать осложнений и препятствій. Прежде, чѣмъ вы пріѣдете въ Краковъ, мы будемъ повѣнчаны въ Тынецѣ, въ которомъ ужъ все приготовлено.

Прекрасная Христина была чрезвычайно смущена такимъ неожиданнымъ счастьемъ, и то заламывала руки, то сжимала голову, то улыбалась, то вздрагивала...

— О, ваше величество! — воскликнула она. — Вы дѣлаете мнѣ черезчуръ великую честь... и позволяете надѣяться на такую судьбу, какой я никогда не ожидала и не могла ожидать... Позвольте-же мнѣ вздохнуть, собраться съ мыслями, помолиться!.. Я вся дрожу...

Король взглянулъ на нее съ сочувствіемъ, всталъ, поцѣловалъ въ лобъ и тихо сказалъ:

— Хорошо, я уйду, но черезъ нѣсколько часовъ опять буду здѣсь, а пока — успокойтесь прекрасная Христина, вѣрьте королевскому слову и не бойтесь. Вы сдѣлаете меня счастливымъ, а я ужъ постараюсь осчастливить васъ...

Съ этими словами онъ взялъ ея дрожащую руку, взглянулъ въ глаза, улыбнулся и вышелъ изъ комнаты.

Рокичана лишилась силъ, упала въ кресло и невольно залилась слезами, сама не зная отчего. Какая-то неопишуемая, безпричинная тревога овладѣла всѣмъ ея существомъ; мурашки забѣгали по тѣлу и сердце сильно забилося. Она должна была сдѣлаться королевой!..

Она понимала, что, сдѣлавшись королевой, многое потеряетъ изъ прежней жизни, и хотя король отчасти нравился ей, но она не чувствовала къ нему ни любви, ни влеченія; но вѣдь она до настоящаго времени еще не питала ея ни къ

кому... Новая, блестящая жизнь должна была составить ея счастье... Счастье? Здѣсь ее окружалъ рой поклонниковъ, а тамъ?... тамъ!!

И Христина заламывала руки, не зная кого позвать, съ кѣмъ посоветоваться и какъ рѣшить. Отказаться — гордость не позволяла, принять предложеніе — боялась...

Такимъ образомъ она сидѣла еще въ креслѣ, какъ въ комнату ворвался, почти насильно, ея обожатель Андрей.

Христина съ дѣтства привыкла къ его любви и опека. Часто онъ бѣсилъ ее и она гнала его вонъ, когда онъ вмѣшивался въ ея дѣла, тѣмъ не менѣе вѣрила, что никто больше его не желаетъ ей добра.

Находясь въ такомъ нерѣшительномъ настроеніи, она обрадовалась, что самъ Господь послалъ къ ней Андрея посоветоваться съ нимъ.

Бупчикъ, по обыкновенію, вѣжливо поклонился и, какъ всегда, началъ съ извиненій.

— Гнѣвайтесь на меня или нѣтъ, но извините, что я ворвался къ вамъ почти насильно. Выслушайте меня, милая Христина!.. Богъ видитъ, что я вамъ желаю добра.

— Вѣрно,—отвѣтила вдова, подходя къ нему,— въ чемъ и дамъ доказательство... Не выдадите меня?

— Я?!—удивился онъ, кладя руку на грудь.

— Вамъ первому, а можетъ быть и послѣднему скажу, какое счастье постигаетъ меня. Король польскій...

Бунецъ замахалъ руками и прервалъ ее.

— Кто же не знаетъ, что онъ влюбился въ васъ?! Весь городъ говоритъ о томъ, и я пришелъ сказать, чтобы вы были осторожны и оставили его съ носомъ...

Христина пожала плечами и строго взглянула на него.

— Польскій король женится на мнѣ...—отвѣтила она, смотря на купца и желая видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на него ея слова.

Но Андрей иронически усмѣхнулся.

— Неправда! — крикнулъ онъ. — Онъ обманываетъ васъ. Какъ онъ можетъ жениться при живой женѣ? Вѣдь онъ женатъ на Аделаидѣ пятнадцать лѣтъ и она еще жива.

— Не кипятись,—возразила она недовольнымъ голосомъ.—

Это я слышала изъ устъ самого короля... Бракъ ихъ расторгнутъ и она уѣзжаетъ къ отцу, а онъ... женится на мнѣ.

Андрей не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да! — подтвердила Христина, — и епископъ общалъ повѣнчать.

Купчикъ призадумался: въ его головѣ не могла помѣститься мысль, чтобъ это была правда.

— Я хорошо не знаю, что королямъ можно и чего нельзя... отвѣтилъ онъ. — Но мнѣ кажется, что все это одна ложь... Я помню разсказъ объ одномъ французскомъ королѣ, который женился на какой-то графинѣ Меранской, удаливъ свою первую жену. Но что потомъ было? Папа велѣлъ пригнать ее!

И онъ пожалъ плечами.

Рокичана призадумалась, сложила руки и заходила по комнатѣ. Андрей стоялъ, смотрѣлъ на нее и какъ-то странно качалъ головой.

— Нѣтъ! — внезапно воскликнула она. — Нѣтъ! Царскому слову можно вѣрить. По глазамъ видно, что онъ благородный человѣкъ и не можетъ лгать!

Андрей вздрогнулъ и быстро подошелъ къ ней.

— И вы намѣрены, — сказалъ онъ, — никому не говоря, довѣриться ему и отдаться?

— Объ этомъ я никому не могу сказать, и вамъ сказала только потому, что вы пришли въ такую минуту, когда я не могла сдержать въ себѣ тайны, и потому, что вѣрю вамъ... вы не выдадите меня... Отказаться отъ короны и не желать быть королевой?!.. Это было-бы безуміемъ!..

И она опять заходила по комнатѣ.

— О, Боже! — воскликнула она, какъ-бы про себя. — Что мнѣ дѣлать? что отвѣтить?.. Голова идетъ кругомъ!

— Знаете, что? — отозвался Андрей. — Я дамъ вамъ добрый совѣтъ... Никто вамъ лучше не посоветуетъ и не просвѣтитъ, какъ нашъ почтенный епископъ Янъ... Какъ духовный отецъ, онъ не выдастъ тайны и, къ тому же, пойметъ дѣло лучше, чѣмъ я и вы...

Христина призадумалась.

— Нѣтъ! — сказала она помолчавъ, — даже ему не могу сказать этой тайны... да и времени мало... Я скверно сдѣлала, что

вамъ сказала, но ужъ дѣлать нечего... свершилось! Черезъ часъ я должна отвѣтить: да или нѣтъ.

Купчикъ долго молчалъ и думалъ.

— Когда же вамъ сказалъ это король?—спросилъ онъ.— И даже самъ! Вѣдь его здѣсь нѣтъ въ настоящее время?

Вдовушка покраснѣла, понявъ, что она можетъ выдать инкогнито короля, и потому живо возразила:

— Какимъ путемъ онъ мнѣ сказалъ, это — мое дѣло... благо, у меня есть его слово и я вѣрю ему...

— Ну, а я такъ не вѣрю,—возразилъ Андрей,—и не понимаю. Правда, онъ многое можетъ сдѣлать для васъ и много претерпѣть, но есть такія вещи, съ которыми и короли ничего не сдѣлаютъ... Жены нельзя купить, а та, которая будетъ плакать изъ-за вашего счастья, едва-ли вымолитъ вамъ у Бога прощенье... Зачѣмъ вамъ желать какой-то короны? Развѣ вы не королева между своими? Чего вамъ недостаетъ?.. Неужели вы такъ полюбили этого короля?

Рокичана, повидимому, не слушала его и продолжала ходить по комнатѣ.

— Слушай, Андрюша!—наконецъ отозвалась она,—не выдавай меня: иначе я тебѣ никогда не прощу... Что Господь предназначилъ, то и должно случиться... Что будетъ, то будетъ.

Сказавъ это, она заплакала. Но слезы ея были какія-то странныя, невольныя... Она опустила въ креслѣ, закрыла глаза руками и зарыдала. Купецъ прошепталъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ, постоялъ немного и, наконецъ, видя, что онъ ничѣмъ не убѣдитъ ее, ушелъ озабоченный и задумчивый, такъ что даже самъ не замѣтилъ, какъ очутился у себя дома.

— Погибла Христина,—воскликнулъ онъ про себя,—и нѣтъ для нея никакого спасенія...

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, король опять пришелъ къ Рокичанѣ, пребылъ у нея около часа и вышелъ отъ нея радостный и веселый. Выходя отъ вдовы, онъ сказалъ Добеку, который сопровождалъ его, что они немедленно должны уѣхать; но у нихъ не доставало Кохана, который, выйдя утромъ изъ дому, не обѣщалъ вернуться раньше, чѣмъ не покончить съ барономъ Гашемъ.

Рава отлично дрался и у него не было недостатка ни въ

ловкости, ни въ храбрости, и можно было думать, что все кончится благополучно. Но король хотя и хотѣлъ имѣть его при себѣ на обратномъ пути, однако не могъ ждать его больше, чѣмъ до вечера.

— Онъ догонитъ насъ, — сказалъ онъ Добеку. — Ждать его здѣсь для меня опасно. При дворѣ могутъ узнать. и скажутъ Богъ вѣсть что... Пойдутъ разговоры, чего я вовсе не желаю.

Они начали готовиться въ путь. Въ это время въ монастырь прибѣжалъ мальчикъ отъ Вуйки съ оповѣщеніемъ, что Коханъ довольно тяжело раненъ мечемъ въ руку, лежитъ въ постели и, вѣроятно, пролежитъ нѣсколько дней, пока рана заживетъ.

Королю это было непріятно, но онъ приказалъ своей свитѣ быть готовой въ путь, оставилъ щедрый вкладъ въ монастырь и велѣлъ Добеку проводить себя въ домъ Вуйки, гдѣ хотѣлъ поговорить наединѣ съ Коханомъ.

Было еще совсѣмъ свѣтло, но Казиміръ находился въ такомъ веселомъ настроеніи духа, что рѣшился вмѣшаться въ толпу и пройти по городу. Это даже забавляло его.

Коханъ лежалъ, только что перевязанный, и разговаривалъ съ хозяиномъ о своей дуэли, какъ вдругъ увидѣлъ на порогѣ короля. Онъ пришелъ въ ужасъ и не зналъ, что сказать, но Казиміръ сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ удалилъ ненужныхъ свидѣтелей... Они остались вдвоемъ.

— Въ силу необходимости, ты долженъ остаться въ Прагѣ, — сказалъ король, — а я тотчасъ уѣзжаю... Смотри за Рокичаной: она дала слово.. Ты отправишь ее въ Тынецъ, гдѣ мы дождемся... Пусть собирается скорѣй, и ты, разъ ужъ сложились такъ обстоятельства, поѣдешь вмѣстѣ съ ней... Вѣржинокъ пришлетъ тебѣ деньги... Не давай ей раздумывать и торопи...

Коханъ не успѣлъ даже отвѣтить, какъ король, закрывшись плащомъ, съ веселымъ лицомъ, повернулся къ выходу.

— Твоя рана, вѣрно, не опасна, и я вознагражу тебя за нее, — сказалъ онъ уходя. — Ты изъ-за меня получилъ ее... Но не отчаивайся, она скоро заживетъ... Пріѣзжай скорѣе!

Рава, насколько могъ, поклонился ему съ постели; король, добродушно усмѣхнувшись, вышелъ изъ комнаты и тотчасъ сѣлъ на коня, который ужъ стоялъ наготовѣ у дома Вуйки,

прибывъ вмѣстѣ со свитой, выѣхавшей вслѣдъ за нимъ изъ монастыря.

Раненый не могъ выйти изъ дому нѣсколько дней, но, досматриваемый весьма любезной и заботливой Зоней, подъ руководствомъ лѣкаря еврея, славившагося своею опытностью по лѣченію ранъ, быстро началъ поправляться.

Въ Прагѣ никто не зналъ о пріѣздѣ короля, ибо Андрей молчалъ, а Рокичана хоть и собиралась въ дорогу, но скрывала это отъ всѣхъ, потому что король просилъ ее молчать о ихъ свадьбѣ. Неувѣренность и опасеніе за свою жизнь отошли на задній планъ, а надежда сдѣлаться королевой росла съ каждымъ днемъ, рисуя ей блестящую будущность.

Андрей, попробовавшій было еще разъ поколебать ея рѣшеніе, былъ удаленъ ею съ такимъ апломбомъ, что ужъ больше не могъ показаться ей на глаза: онъ тоже колебался, понимая, что богатая мѣщанка не могла отказаться отъ своего блестящаго счастья.

Вдова ничего не сказала ни своему деверю, ни другимъ родственникамъ, но они замѣтили въ ней какую-то перемѣну, доказывавшую ея гордость и самоволіе. Дома она ужъ заранѣе сдѣлалась королевой и не терпѣла нисколько возраженій. Теперь она перестала видѣться съ людьми, отказала своему поклоннику, барону Гашу, и заперлась у себя въ комнатахъ. О всѣхъ ея приготовленіяхъ знали только ея довѣренная старушка и Зоня, которую Коханъ пристроилъ къ ней, согласно своему обѣщанію, ручаясь за нее, что она не выдастъ тайны. Ей очень хотѣлось попасть ко двору королевы и поэтому она въ своихъ интересахъ не могла выдать ее.

Рана Кохана быстро заживала. Очевидно, у жида-лѣкаря былъ какой-то чудодѣйственный пластырь, который онъ часто перемѣнялъ и перебинтовывалъ руку, благодаря чему Рава могъ бы уѣхать въ Краковъ съ подвязанной рукой, но онъ нарочно оставался въ Прагѣ, такъ какъ долженъ былъ сопровождать Рокичану.

Правду сказать, ей было очень трудно уѣхать изъ Праги, не обративъ преждевременно вниманія своихъ родственниковъ, которые, не зная о цѣли ея путешествія, могли бы воспрепятствовать ей. И то ужъ они съ нѣкотораго времени стали смо-

трѣть на нее подозрительно, слѣдили и какъ будто догадывались. Разумѣется, они не допустили бы сдѣлаться любовницей, — хотя-бы короля, и задержали бы ее.

Въ виду этого, Коханъ посоветовалъ ей притвориться больною и запереться у себя дома, а самъ обязался приготовить ей свиту, которая, по первому ея требованію, была бы къ ея услугамъ. Для отвода глазъ, ея старушка должна была оставаться дома, рассказывать все о ея болѣзни, и никого не допускать въ комнаты, а Зоня — сопровождать ее въ дорогѣ и быть ея довѣренной и камеристкой.

Королевскій любимецъ торопилъ Рокичану, потому что и его торопили гонцы Казимира, посылаемые имъ каждый день.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ того, какъ сундуки съ имуществомъ Христины были уже отправлены ночью тайкомъ, она сама вышла изъ дома съ задняго крыльца и, пройдя черезъ садъ и садовую калитку, выходящую на другую улицу, сѣла въ ожидавшій ее экипажъ и съ бьющимся сердцемъ уѣхала за Старую Прагу, а затѣмъ быстро покатила къ тому счастью и коронѣ, ради которой пожертвовала все.

Въ назначенный день король прибылъ въ Тынецкій монастырь съ небольшимъ отрядомъ придворныхъ и нѣсколькими государственными сановниками. Но ни на его лицѣ, ни на лицахъ окружавшихъ его свидѣтелей предстоящей свадьбы не было видно той радости и спокойствія, которыя обыкновенно являются при осуществленіи давно желаемого счастья и достиженія извѣстной цѣли, имѣющей семейное значеніе. Все, кому онъ объявилъ о томъ, что настоятель Янъ общалъ повѣнчать его съ Рокичаной, молча и съ грустью приняли это сообщеніе, робко выражая свои сомнѣнія, будетъ ли признанъ этотъ бракъ и могущіе быть отъ него наслѣдники.

Его племянникъ Людовикъ, назначенный заранѣе наслѣдникомъ престола, на случай, если у него не будетъ своего, имѣлъ у королевскаго престола своихъ друзей, которые, какъ говорили злые люди, были подкуплены имъ разными подарками и общаніями. Кромѣ того, у рыцарей были свои расчеты: король Людовикъ обезпечивалъ за землевладѣльцами и тѣми людьми, которые чувствовали себя обиженными Казиміромъ, —

всякія льготы и привилегіи, обѣщая имъ прежнюю свободу и пользованіе всякими правами.

Въ виду этого, помѣщики и рыцари, соблазненные обѣщаніями королевы Елисаветы и ея сына Людовика, держали ихъ сторону, нисколько не ожидая, чтобы будущій наслѣдникъ Казимира, при такомъ бракѣ, имѣлъ больше шансовъ на польскій престолъ, чѣмъ Людовикъ. Даже духовенство, болѣе преданное Казимиру, косо смотрѣло на этотъ бракъ и единогласно говорило, что если аббатъ нѣмецкаго монастыря осмѣлится повѣнчать его, то все-таки этотъ актъ будетъ не дѣйствительнымъ.

Въ свою очередь, и настоятель, легкомысленно обѣщавшій въ минуту какого-то увлеченія повѣнчать короля, началъ безпокоиться и, посовѣтовавшись съ знатоками каноническаго права, самъ убѣдился, что онъ совершить преступленіе, за которое король въ будущемъ долженъ будетъ подвергнуться покаянію. Всѣ сомнѣвались также, чтобы такой поступокъ настоятеля прошелъ ему безнаказанно.

Такимъ образомъ о. Янъ, посовѣтовавшись съ нѣсколькими лицами, пожалуй, и самъ не согласился бы повѣнчать, если-бъ не далъ уже королю своего слова. Но въ этомъ человѣкѣ сидѣло больше рыцарскаго духа, чѣмъ священнической суровости, и разъ ужъ онъ что сказалъ, то обязанъ былъ исполнить.

Еще Рокичана не прибыла въ Тынецъ, когда настоятель Янъ торжественно встрѣтилъ короля въ воротахъ стараго аббатства и проводилъ его въ обширный домъ, приготовленный для его приѣма, находившійся за рубежомъ монастыря.

Въ моментъ встрѣчи настоятель и король посмотрѣли другъ на друга, и каждый изъ нихъ прочиталъ на лицѣ не то, чего ожидалъ. Казимиръ былъ раздраженъ и сильно безпокоился, а о. Янъ плохо скрывалъ свои сомнѣнія. Не умѣя и не желая скрывать своихъ чувствъ передъ королемъ, настоятель, какъ только они остались въ маленькой комнаткѣ, отведенной для отдыха, поспѣшилъ признаться ему въ своемъ безрасудствѣ.

— Ваше величество! — отозвался онъ, — я вынужденъ признаться въ своемъ прегрѣшеніи. Моя любовь и уваженіе къ вамъ заставили меня увлечься и вообразить себѣ то, что является на самомъ дѣлѣ невозможнымъ...

При этомъ о. Янъ вздохнулъ.

— Къ несчастію, — продолжалъ онъ, — я поздно замѣтилъ свою ошибку. Я могу и долженъ повѣнчать, но наши духовные законы противятся такому браку, всѣ юристы доказываютъ что онъ будетъ недѣйствительнымъ, а потому и предупреждаю ваше величество. Такъ какъ дѣло касается наслѣдника престола, то, въ случаѣ, если Господь благословитъ насъ такимъ, враги наши постараются у папы не признать моего вѣнчанія... Какъ бы тамъ ни было, но королева, хотя отецъ беретъ ее къ себѣ, все-таки жива... Если бъ вы не жили съ нею ни одного дня то, быть можетъ, это было бы принято во вниманіе, а вѣдь вы, ваше величество не протестовали пятнадцать лѣтъ!..

— Это я ужъ слыхалъ и отъ другихъ, — тихо возразилъ король. — Но, полагаясь на ваше слово, я тоже далъ обѣщаніе этой женщинѣ и она скоро пріѣдетъ, а я своего слова не могу взять обратно. Было бы не по рыцарски — обмануть, а за свои грѣхи намъ, разумѣется, придется принести покаяніе; ну, и покаемся...

Настоятель ничего не отвѣтилъ. Та же грусть, которая видна была на лицахъ короля и о. Яна, какъ будто отразилась и на всѣхъ, прибывшихъ съ нимъ. Всѣмъ было, прежде всего, непріятно, что король великаго и могущественнаго государства женился на неравной себѣ, и всѣ смотрѣли на это, какъ на обиду, наносимую странѣ. Казиміръ встрѣчалъ недовольные взгляды, холодныя и почти презрительныя улыбки. Да и самъ онъ не могъ быть веселымъ и измѣнить своего настроенія. Любовь къ Рокичанѣ явилась при такихъ странныхъ условіяхъ, пришла такъ быстро и развилась съ такою силою подъ напоромъ горячихъ желаній и надеждъ, что теперь, когда Христина уже готова была подить ему руку, онъ самъ удивился своей опрометчивости.

Но именно въ то время, когда онъ уѣзжалъ въ Тынецъ, ему донесли, что его жена Аделаида, которую отецъ взялъ къ себѣ, внезапно заболѣла и чувствовала себя слишкомъ не хорошо, такъ что придворный докторъ находилъ ее въ большой опасности и не ручался за ея жизнь.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, овдовѣвшій король могъ найти себѣ подходящую партію и сдѣлать открытый выборъ,

который имѣлъ бы совсѣмъ иной характеръ. Но онъ не хотѣлъ вѣрить своего слова обратно, и посланный навстрѣчу Рокичанѣ почетный отрядъ рыцарей и свиты привезъ ее въ этотъ вечеръ въ Тынецъ.

Казиміръ вышелъ къ ней для привѣтствія...

Въ церкви ужъ все было приготовлено для вѣнчанія. Отецъ Янъ, въ игуменской митрѣ, съ епископскимъ посохомъ, окруженный духовенствомъ, вышелъ къ алтарю. Брачующіея стояли передъ нимъ... Настоятель совершилъ обрядъ вѣнчанія съ какою-то особенною лихорадочною и непонятною поспѣшностью, благословилъ, и царственная чета новобрачныхъ тотчасъ отправилась въ Краковъ.

По дорогѣ король сказалъ Христинѣ, что вслѣдствіе его ссоры съ епископомъ краковскимъ ихъ бракъ долженъ остаться нѣкоторое время въ тайнѣ, и онъ не можетъ объявить его.

Новобрачная молча выслушала этотъ приговоръ, нахмурилась, вырвала свою руку изъ его руки и отвернулась.

Это было первое недоразумѣніе двухъ людей, почти не знающихъ другъ друга, — доказывавшее, что, вмѣсто развитія любви въ будущемъ, между ними будутъ происходить споры и взаимное недоверіе.

— Для меня — ты жена, — прибавилъ онъ, — но надо подождать, пока явится возможность объявить тебя королевой.

Рокичана приняла это рѣшеніе гордымъ молчаніемъ, и тотчасъ по пріѣздѣ заперлась на своей половинѣ дворца, притворившись больной. Казиміръ попробовалъ смягчить ея гнѣвъ, но она осталась непреклонной, вслѣдствіе чего и въ немъ пробудилась королевская гордость...

Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ свадьбы онъ уѣхалъ на охоту, оставивъ ее одну. Рокичана плакала отъ злости и оскорбленнаго самолюбія.

У нея не было въ Краковѣ ни одного знакомаго и сочувствующаго ей лица, кромѣ Кохана, ибо всѣ смотрѣли на нее не какъ на королеву, а какъ на унижительную помѣху при дворѣ. Къ ней никто не подходилъ и не старался снискать ея расположенія, какъ будто предчувствуя, что она не будетъ имѣть здѣсь никакого значенія. Всѣ порицали женитьбу короля и говорили о томъ во всеуслышаніе.

Между тѣмъ Коханъ, находя ее всегда злою, нахмуренною и въ слезахъ изъ-за равнодушія мужа, совѣтовалъ ей примириться съ обстоятельствами и своей лаской, смиреніемъ и покорностью приблизить его къ себѣ. Но она не могла или не хотѣла на это рѣшиться, а требовала возстановленія своихъ правъ и признанія ее королевой; она упрекала и выговаривала королю, и онъ, послѣ каждаго посѣщенія ея, уходилъ отъ нея раздраженнымъ, обиженнымъ и холоднымъ.

Изъ всего этого Коханъ заключилъ, что супруги будутъ несчастны. Онъ крайне смущался, тѣмъ болѣе, что, начиная отъ настоятеля и кончая самымъ послѣднимъ изъ придворныхъ, всѣ находили бракъ неправильнымъ, а потому и не признавали ее королевой.

Но Рокичана была другого мнѣнія и отнюдь не усомнилась въ томъ, что, будучи повѣнчанной *епископомъ*, — какъ она полагала и въ чемъ ее не разочаровывали, — бракъ ея съ королемъ не можетъ быть ни нарушеннымъ, ни расторгнутымъ.

Король Казиміръ охладѣлъ, а среди такой жизни, съ рѣдкими проблесками счастья, люди ужъ говорили и строили разные планы на будущее. Всѣ откровенно высказывали свое мнѣніе относительно удаленія гордой чешки и о присканіи другой, равной королю и мягкаго характера.

Однако Рокичана не поддавалась и вмѣсто снисканія сердца короля и расположенія къ себѣ всѣхъ ее окружавшихъ, она только возмущала ихъ своими жалобами, надменнымъ обхожденіемъ и невозможными требованіями подчиненія ей, какъ королевѣ, благодаря чему люди стали избѣгать ее.

А тѣмъ временемъ короля призывали болѣе важныя государственныя дѣла, въ которыхъ онъ постоянно искалъ утѣшенія, не имѣя его въ семейной жизни. Послѣ установленія новыхъ законовъ, учрежденія высшаго трибунала на Вавелѣ и упорядоченія соляныхъ промысловъ, — постройка каменныхъ городовъ поглощала все его вниманіе. До сего времени, они почти всѣ были деревянные, обнесенные земляными валами чаштоколомъ, окружены рвами. Но всѣ эти укрѣпленія были настолько слабыми, что въ нихъ трудно было защищаться отъ непріятеля. А потому являлась крайняя необходимость, въ виду собственной безопасности, обнести ихъ толстыми каменными

стѣнами на громадныя пространства, чтобы обезпечить себя отъ обыкновенныхъ средствъ осады, какъ на примѣръ, поджиганія и разрушеніе стѣнъ таранами и проч.

Въ это время ужъ были обнесены такими стѣнами дорога для Локтика Вислица и Плоцкъ; а теперь онъ задумалъ строить новыя замки на Руси и вездѣ, куда могъ вторгнуться неприятель. А куда же онъ не могъ свободно пройти, если громадныя равнины защищались только одними рѣками, которыя зимою были скованы льдомъ и давали возможность проникнуть въ любой уголокъ.

Словомъ, король Казиміръ чрезвычайно заботился о возведеніи каменныхъ зданій, взаимѣнъ построекъ изъ хвороста и глины или сосновыхъ бревенъ, которыя поглощали до тла любой пожаръ отъ какой-либо случайной искры.

За послѣднее время у него явился новый любимецъ, такой же умный, какъ ксендзъ Суховилькъ, нѣкто Вацлавъ изъ Тенчина, которому всѣ завидовали.

Это былъ человѣкъ знаменитаго, но уже захудалаго и необладавшаго особеннымъ богатствомъ рода. Его предокъ Топорчикъ, одинъ изъ стариннѣйшихъ рыцарскихъ фамилій въ Польшѣ, не обладалъ ужъ никакимъ имуществомъ, кромѣ рыцарскихъ доспѣховъ и умѣнья владѣть оружіемъ. Родъ Топорчиковъ былъ чрезвычайно великъ и ихъ родословное дерево до того развѣтвилось, что для него не хватало земель, и послѣдніе отпрыски его должны были ждать или наслѣдствъ, или составленія партій посредствомъ женитьбы, или королевскихъ пожалованій за какія-либо заслуги и отличія. Вацлавъ въ молодости готовился въ рыцари, но затѣмъ родственники начали уговаривать его принять духовный санъ, пророча ему блестящую будущность, благодаря чему онъ поѣхалъ за границу, въ Италію, изъ которой въ то время выносили и вывозили высшее образованіе всѣ народы, и которая являлась неизсякаемой сокровищницей знанія по всѣмъ отраслямъ науки и искусства.

Воспитывался въ Италіи, Вацлавъ Тенчинскій видѣлъ тамъ великолѣпные остатки римскихъ древностей, новыя зданія, цѣлые города, крѣпости и мѣстечки, возводимые на вершинахъ крутыхъ горъ. Смотря на все это, онъ полюбилъ зодчество и камни, которые какъ будто говорили ему о томъ, что они пред-

назначены для охраны человѣческой жизни въ то время, когда ей угрожала опасность войны или пожаровъ.

Благодаря таковой любви, рыцарь земледѣлецъ добровольно сдѣлался архитекторомъ-художникомъ. Его ничто не могло оторвать отъ изученія того искусства, съ какимъ тамъ люди воспѣвали строительные гимны во славу Божью, окружали камнемъ свои домашнія очаги, сокровища и плоды своего труда...

Въ Польшѣ ничего подобнаго не было, но могло быть.

Увлеченный этой мыслью, молодой Вацлавъ Топорчикъ вернулся въ родную страну и, введенный къ королевскому двору, съ такимъ оживленіемъ разсказалъ Казиміру о видѣнныхъ имъ чудесахъ и изученіи зодческаго искусства, что король тотчасъ пригласилъ его остаться у него на службѣ и руководить постройками во вновь учреждаемыхъ городахъ, обѣщая ему людей, денегъ и разныхъ матеріаловъ, сколько ему понадобится.

Такимъ образомъ, онъ сдѣлался любимцемъ короля, который привязывался къ нему съ каждымъ днемъ, вызывая зависть у другихъ; а въ то время, когда родственники Топорчика называли его каменщикомъ и маляромъ, король удостоивалъ его своей дружбой, сажалъ за свой столъ, проводилъ съ нимъ время въ бесѣдахъ и любилъ его такъ, какъ послѣдній полюбилъ свое искусство.

Въ часы, проводимые съ Топорчикомъ въ разговорахъ о томъ, чего недостаетъ Польшѣ и что желательно ей дать, король Казиміръ забывалъ обо всемъ, даже о послѣднихъ своихъ непріятностяхъ съ Рокичаной... Онъ утѣшался тою мыслью, что государство остается послѣ него благоустроеннымъ, упорядоченнымъ, обогащеннымъ, расширеннымъ, заселеннымъ своими и чужими людьми, укрѣпленнымъ и имѣющимъ свои твердые законы, одинаковые для всѣхъ, обезпеченныхъ и счастливыхъ трудами своихъ рукъ. Благодаря своему настоящему и неустойчивому труду и заботѣ о благосостояніи государства, онъ часто повторялъ себѣ:

— Хоть я не оставлю наслѣдника, зато моимъ наслѣдіемъ будутъ города, суды, законы, зданія, спокойствіе страны, процвѣтаніе государства и размноженіе народа, пользовавшагося многолѣтнимъ миромъ... А все это переживетъ многія поколѣнія и память обо мнѣ просуществуетъ вѣка.

Часто послѣ разговора съ Тенчинскимъ, въ которомъ упоминались имена того или иного города, онъ всакивалъ, велѣлъ готовить лошадей и уѣзжалъ осматривать мѣстности, какъ лучше устроить стѣны, возвести какія-либо общественныя или защитительныя зданія. Въ такія минуты его ужъ ничто не могло удержать; онъ садился на коня, прихватывалъ съ собою Вацлава и небольшую свиту, мчался въ намѣченное мѣсто и обдумывалъ тамъ средства для скорѣйшаго осуществленія своей мысли.

А въ то время, когда король заразился строительной лихорадкой и строилъ зданіе за зданіемъ, глядя на него, строились и другіе, купцы и мѣщане—въ городахъ, а помѣщики и землевладѣльцы — въ своихъ имѣніяхъ. Епископъ Бозаитъ тоже строилъ свой сказочный замокъ, на который тратилъ громадныя деньги, но которому не суждено было никогда окончиться постройкой.

Какъ весеннее солнце заставляеть зерно, брошенное въ землю, дать ростокъ и плодъ, такъ Казиміръ заставлялъ людей любить себя и приносить странѣ извѣстную пользу: ксендзъ Суховилькъ, Вѣржинокъ и Вацлавъ Тенчинскій были его духовными дѣтьми, и Коханъ завидовалъ имъ, ибо ничего не умѣлъ дѣлать, кромѣ угожденія королю относительно женщинъ.

Хотя Казиміръ и не обижался на него за свою послѣднюю связь съ Рокичавой, такъ какъ онъ былъ главнымъ орудіемъ его увлеченія, поддержаннаго общаніемъ настоятеля тынецкаго монастыря благословить его связь, тѣмъ не менѣе Коханъ, какъ только замѣтилъ, что король оскорбился гордостью, упрямствомъ и настойчивостью Христины, уже началъ ломать голову, какъ бы избавиться отъ нея.

Собственно говоря, непріятная жизнь съ гордой чешкой, добивавшейся короны и королевскаго титула, гнали короля изъ дому, и какъ только Тенчинскій заговаривалъ съ нимъ о какомъ-либо новомъ замѣѣ, онъ приказывалъ готовиться въ дорогу и немедленно уѣзжалъ.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Казиміръ долженъ былъ провести ночь въ Опочвѣ. Королевскіе квартирмейстеры определили его на два-три дня для подысканія квартиры и удобнаго отдыха. На охотѣ или на войнѣ онъ довольствовался какой-либо палаткой или шалашомъ, но, проѣзжая по своему

государству, какъ хозяинъ, любилъ отдохнуть и останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время, охотно разговаривалъ со всѣми, начиная съ солдатъ и кончая крестьянами. Поэтому, для него всегда подыскивалась такая квартира, гдѣ бы онъ могъ помѣститься со всѣмъ своимъ дворомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему нравились мѣстность или многолюдность, онъ гостилъ по нѣсколько сутокъ; а тамъ, гдѣ былъ голодъ, неурожай или разлитіе рѣкъ, которые приводили народъ въ бѣдственное положеніе, онъ тотчасъ изыскивалъ средства для предотвращенія этихъ бѣдствій. Чаще всего случалось, что тѣ, у кого не было хлѣба, сзывались на работы, копали каналы, сносили или свозили камни и другіе матеріалы для построекъ, дѣлали кирпичъ и муровали стѣны.

Когда квартирмейстеръ Гречинъ прибылъ въ Опочно для подысканія королю квартиры, онъ сильно опечалился, что тамъ не предвидѣлось подходящей, которая удовлетворила бы короля и его дворъ. Единственный большой и удобный домъ принадлежалъ еврею, которыхъ Гречинъ ужасно не любилъ и избѣгалъ, зная, что король покровительствуетъ имъ, наравнѣ съ другими.

Надо замѣтить, что еврей Ааронъ былъ необыкновеннымъ членомъ израильскаго племени, которое въ то время составляло значительную часть жителей большихъ и малыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. Онъ находился въ родствѣ съ арендаторомъ и смотрителемъ величковскихъ соляныхъ промысловъ, Левкой, былъ купцомъ и велъ значительную торговлю, главнымъ образомъ, серебряными и золотыми издѣліями, а также драгоценными камнями, которые поставлялъ во многія церковныя сокровищницы.

Кромѣ того, Ааронъ былъ человѣкъ науки, очень умный и разсудительный, исколесившій въ своихъ путешествіяхъ всю Европу. Его считали почти колдуномъ, магомъ и чародѣемъ, боялись, но уважали, потому что онъ дѣлалъ много добра и никому ничего дурного не желалъ.

Въ то время, когда Гречинъ мыкался по мѣстечку, не зная что дѣлать и проклиная свою тяжелую службу, изъ укрѣпленнаго, какъ крѣпость, дома еврея Аарона вышелъ человѣкъ, одѣтый въ черную шелковую одежду, съ высокимъ посохомъ, оправленнымъ въ серебро и въ шапкѣ съ собольей опушкой. Онъ подошелъ прямо къ квартирмейстеру.

Хотя Гречинъ видѣлъ въ немъ еврея и угадалъ, что это былъ владѣлецъ сноснаго по тому времени дома, однако, онъ, имѣя отвращеніе ко всѣмъ евреямъ, сначала не хотѣлъ было говорить, но, въ виду его скромности, почти вѣжливо отвѣтилъ на его поклонъ.

Это былъ Ааронъ, за которымъ шли еще двое молодыхъ людей, евреевъ, тоже прилично одѣтыхъ, которые, очевидно, служили у него.

— Мнѣ сказали, что вы изволите искать квартиру для короля, — отозвался, старикъ, привѣтствуя квартирмейстера.

— Да, — отвѣтилъ Гречинъ.

Ааронъ погладилъ бороду и указалъ на домъ, изъ котораго только что вышелъ.

— Мой скромный домъ къ вашимъ услугамъ... Быть можетъ, онъ недостойнъ принять такого высокаго гостя, какъ монархъ, но въ Опочнѣ не найдете лучшаго. Къ тому же въ дорогѣ, и король не станетъ требовать невозможнаго, между тѣмъ я буду очень счастливъ.

Можетъ быть Гречинъ отказался бы отъ его предложенія, но у него не было выбора, а время уходило.

— Покорнѣйше прошу зайти и взглянуть, — прибавилъ Ааронъ. — Я могу убраться съ своей семьей хотя бы въ сарай, только бы его величество осчастливило своимъ посѣщеніемъ мой домъ.

Говоря это, онъ направился съ Гречинымъ къ дому. Они вошли черезъ крѣпкія ворота на большой дворъ; на немъ стояло нѣсколько нагруженныхъ возовъ, изъ которыхъ лошади только что были отпряжены. Вокругъ двора находились постройки въ видѣ амбаровъ, складовъ, сараевъ, конюшенъ и проч. Съ одной стороны его стоялъ домъ, отчасти каменный, а въ остальномъ деревянный, построенный по старинному и не особенно бросающійся въ глаза своею наружностью.

Ааронъ, прежде всего указалъ на сарай, говоря, что онъ прикажетъ очистить ихъ для королевскихъ слугъ, а затѣмъ повелъ внутрь дома, который мало кто зналъ, какимъ онъ въ сущности былъ, потому что, кромѣ одной большой комнаты для пріема гостей и лицъ, приходившихъ по дѣлу, — въ остальные онъ никого не допускалъ. Комната эта ничемъ не отличалась,

кроме безукоризненной чистоты, очень редкой в то время, даже в домах помещиков и духовенства.

Пройдя очень быстро эту комнату, Аарон отпер дверь в другую. Видя ее изумил Гречина. Она была такой же величины, как и первая, но отличалась замечательным богатством и роскошью: потолок был сделан из разного дерева; стены обиты дорогими тканями; пол устлан коврами: вокруг стен стояли дубовые скамейки и шкафы тонкой работы, очевидно, привезенные из чужих стран, потому что в Польше еще не делали таких вещей. Дорогая и красивая цинковая, серебряная, каменная и стеклянная посуда виднелась на их полках. Далее, была еще комната, меньшего размера, в которой стояла великопальная постель с пологом и все необходимые принадлежности спальни.

— Я думаю, что этого будет достаточно для нашего государя, — обратился еврей к Гречину, — и я буду очень счастлив услужить моему господину, которому я обязан своей благодарностью. Кому-либо иному я не только не открыл бы дверей моего дома, но даже откупился бы от посещения его, так как знаю, что еврею не безопасно обнаруживать свои достатки.

Квартирмейстер не мог отказаться от предложения и склонил голову, в знак согласия. Он осматривался кругом, не ввря своим глазам, чтобы у простого купца, в невзрачном доме находились такие достатки и даже избыток их.

Лицо Аарона просияло; он проводил гостя в первую комнату и сделал знак одному из своих слуг, чтобы принести приветственный напиток.

Усталый и измученный Гречин очень был рад угощению, так как вино и заграничные лакомства пришлись ему по вкусу, после продолжительного путешествия.

Еврей приказал немедленно вычистить двор и сарай, а сам занялся уборкой книг, письменных свитков и разной утвари, которые бросались в глаза и сильно напоминали собою жиновщину. Многочисленные слуги, значительная часть которых была одета довольно непрезентабельно, начала убирать двор, сарай, комнаты, окуривать их восточными благовониями и сносить различную мебель, которая являлась необходимой для украшения помещений.

Старикъ убѣдительно просилъ сказать ему, когда прійдетъ король, чтобы удостоиться чести встрѣтить его и привѣтствовать на порогѣ своего дома.

Къ вечеру еврей и Гречинъ совсѣмъ подружились. Гречинъ, напоенный, накормленный и награжденный былъ очень радъ, что нашелъ удобное помѣщеніе для короля и его свиты, а потому сталъ съ уваженіемъ относиться къ старому Аарону.

На другой день, передъ вечеромъ, Гречинъ ожидалъ прибытія Казимира.

Была ранняя, прекрасная, теплая весна. Въ домѣ, одна половина котораго была предназначена для королевской квартиры, царствовало большое оживленіе. Вторая половина его, гдѣ находилась семья, осталась неприкосновенной. Гонецъ, посланный узнать скоро ли прибудетъ король, вернулся съ оповѣщеніемъ, что онъ уже приближается къ мѣстечку.

Народъ высыпалъ на улицы и рыночную площадь, въ ожиданіи его прибытія. Казимиръ пользовался любовью своего народа, въ особенности бѣднѣйшаго класса, который сохранялъ о немъ добрую память и почиталъ его названіемъ крестьянскаго короля.

Всѣ вышли ему на встрѣчу. Духовенство съ крестами и хоругвями стояло на церковной паперти. Землевладѣльцы и рыцари расположились отдѣльно на коняхъ. Всѣ окрестные жители немедленно явились въ мѣстечко, какъ только узнали, что король посѣтитъ его...

Солнце уже заходило, когда королевскій отрядъ показался вдали. Король всегда любилъ ѣздить съ царскимъ великолѣпіемъ, хотя свита его была не особенно многочисленная, но отличалась европейскою внѣшностью. Вооруженіе, костюмы, украшенія лошадей, экипажи и даже простыя телѣги были сдѣланы по-французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ образцамъ, принаровленнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ.

Самъ король ѣхалъ верхомъ; а такъ какъ ему удалось сдѣлать закладки нѣсколькихъ замковъ, то онъ былъ очень веселъ и добродушенъ. Въ особенности онъ заботился о постройкѣ ихъ на Руси, съ цѣлью удержать ее за собою.

Подѣхавъ къ церкви, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ подъ благословеніе настоятеля, потомъ вошелъ въ маленькій

храмъ, а затѣмъ, встрѣченный Грецинымъ, который указалъ ему на близость помѣщенія, пошелъ пѣшкомъ въ домъ еврея Аарона.

Грецинъ зналъ, что его встрѣтитъ хозяинъ на порогѣ своего жилища. И дѣйствительно, у воротъ стоялъ въ черномъ длинномъ плащѣ старый еврей, а рядомъ съ нимъ — какая-то фигура въ бѣломъ платьѣ, которой Грецинъ еще не видалъ:

Когда они приблизились, то изъ-за плечей старика выдвинулась женщина чрезвычайной красоты, такъ что король даже остановился и вся свита точно остоленѣла.

Это была молоденькая дѣвушка съ свѣженькимъ, какъ распускающійся розанъ, лицомъ, съ такими нѣжными и благородными чертами, что ее можно было принять скорѣе за королеву, чѣмъ за ребенка израильскаго племени.

Ея богатый шелковый нарядъ съ нѣсколькими рядами жемчуга на шеѣ и драгоценныя украшенія ушей, головы и рукъ придавали изумительный блескъ ея восточной красотѣ, которая хотя скоро отцвѣтаетъ, но въ молодыхъ лѣтахъ является чѣмъ-то сказочнымъ и ни съ чѣмъ несравненной. Еврейка еще издали смѣло уставилась на короля своими большими черными глазами съ длинными рѣсницами, и съ большимъ чувствомъ смотрѣла на него. Она держала въ своихъ бѣлыхъ, немного дрожащихъ, рукахъ золотой подносъ, покрытый шелковымъ полотенцемъ, расшитымъ золотомъ. Несмотря на волненіе, которое замѣтно обнаруживалось на ея чудесномъ личикѣ, видно было, что она отважна и что сознаніе своей красоты и молодости придавало ей царственную величественность красавицы.

Король не могъ достаточно насладиться и оторвать своихъ глазъ отъ этого явленія, и когда онъ приблизился, то Ааронъ, низко кланяясь ему, указалъ на дѣвушку и произнесъ:

— Ваше величество! Да будутъ благословенны тотъ день и часъ, когда вы изволите переступить порогъ моего дома... Это мое единственное дитя, которое обязано вамъ своею жизнью и которое никогда не забудетъ о томъ... Удостоите, ваше величество, принять отъ нея сей маленькій даръ на память.

При воспоминаніи о томъ, что эта прекрасная дѣвушка была обязана королю своей жизнью, всѣ съ удивленіемъ переглянулись. Но Казиміръ тотчасъ вспомнилъ того окровавленнаго ребенка, котораго мать защищала своею грудью во время

избіенія евреевъ въ Краковѣ, и котораго онъ отнялъ изъ рукъ разсвирепѣвшей черни, уведя его вмѣстѣ съ матерью въ замокъ.

Теперь онъ узналъ въ этой развившейся красавицѣ ту дѣвочку, красотой которой всѣ восторгались еще въ то время и вспомнилъ тотъ моментъ, когда она, держась за его плащъ, со слезами, испуганная и полуобомлѣвшая, бѣжала за нимъ.

Молодая дѣвушка стала передъ нимъ на одно колѣно и подала ему дрожащими руками блюдо съ хлѣбомъ и солью. Ея чудеснѣйшіе черные глаза смѣло смотрѣли на него съ выраженіемъ глубокаго уваженія къ нему и говорили о томъ, какую благодарностью проникнуто ея сердечко.

Король наклонился къ ней принять привѣтственный даръ изъ ея рукъ и былъ совсѣмъ пораженъ, когда она отозвалась къ нему своимъ серебристымъ нѣжнымъ голосомъ, на чистомъ польскомъ языкѣ:

— Я только хотѣла дожить до этого счастливаго дня, когда получу возможность узрѣть ваше величество, какъ моего благодѣтеля, и поэтому училась польскому языку, чтобы отблагодарить на немъ за оказанное мнѣ благодѣяніе... Теперь я исполнѣ счастлива.

И она съ улыбкой преклонилась къ стопамъ короля, который быстро приподнялъ ее и весело отозвался:

— Вотъ какой прекрасный цвѣтокъ развился изъ того бутончика, который я видѣлъ когда-то!.. Какъ же тебя зовутъ, мой милый цвѣточекъ?

— Меня зовутъ Эсфирью, — смѣло отвѣтила зарумянившаяся дѣвушка.

Шедшій за королемъ капелланъ, хмурясь, произнесъ про себя:

— Nomen, omen!.. Дай Богъ, чтобы еще эта не приворожила его...

Ааронъ съ дочерью повели короля въ комнаты. Удивленный дворъ послѣдовалъ за нимъ, пожимая плечами. Нѣкоторые были какъ будто обижены тѣмъ радушіемъ, которое король оказывалъ жидамъ; капелланъ ворчалъ, а всѣ остальные смотрѣли съ насмѣшкой.

Старый еврей, введя короля въ комнаты, пропитанныя восточными благовоніями, указалъ на столъ, сервированный золотомъ и серебромъ, и пригласилъ его отвѣдать хлѣба соли.

Столъ былъ заставленъ заморскими винами и сластями, дорогими по тогдашнему времени, рыбой и дичью. Эсѳирь, съ очаровательной улыбкой попросила у короля позволеніе прислуживать ему. Она подала ему тазъ съ кувшиномъ для умовенія рукъ, и когда онъ снялъ кольца и перстни съ пальцевъ, держала ихъ, пока онъ вымылъ и вытеръ руки тонкимъ полотенцемъ. Въ моментъ этой услуги, улыбка не сходила съ ея лица и ея черные глаза пронизывали насквозь короля.

Наконецъ, онъ сѣлъ за столъ и Эсѳирь замѣнила ему подчашаго, наливъ первый кубокъ вина.

— Пью за ваше здоровье! — весело сказалъ Казиміръ, обращаясь къ ней и тутъ же стоящему хозяину.

Король любилъ изысканныя блюда и, проголодавшись въ дорогѣ, охотно принялся за ѣду, хваля и благодаря прекрасную хозяйку за вкусное приготовленіе ихъ. Молодая дѣвушка краснѣла при каждой его похвалѣ и смѣло отвѣчала на каждый его вопросъ изящнымъ польскимъ языкомъ, за который онъ тоже похвалилъ ее.

Ааронъ, гордясь своею дочерью, ласкалъ ее по головкѣ и и подъ подбородокъ. И онъ хвалилъ ее, заставляя краснѣть.

— Это моя жемчужина, говорилъ онъ, — брилліантъ всего нашего рода. Не важно, что Господь наградилъ ее красотой, а главное, онъ далъ ей то, въ чемъ отказывается многимъ женщинамъ: разумъ, любовь къ наукамъ и способность ко всему! Чего она не знаетъ и чему она не училась? Она изучила много языковъ и на всѣхъ говорить... Знаетъ также рукодѣлья, и въ этомъ, пожалуй, у нея не найдется соперницъ...

— Но меня удивляетъ, — прервалъ король, — что у васъ ни кто еще не похитилъ этой жемчужины, тогда какъ у васъ принято выдавать дочерей замужъ, когда онѣ еще совсѣмъ дѣти.

Эсѳирь взглянула на короля и слегка повела плечами.

— Я хотѣлъ выдать ее за сына Левки, арендатора соляныхъ шахтъ, — возразилъ еврей, — и мы ужъ, было, порѣшили; но онъ умеръ и Эсѳирь пожелала быть самостоятельной... Она не спѣшитъ замужествомъ и умоляетъ меня не удалять ее изъ дому... Къ тому же найти теперь для нея достойнаго мужа весьма не легко...

Во все время королевскаго ужина, хозяинъ и его дочь при-

существовали въ комнатѣ и разговаривали съ государемъ, который разспрашивалъ ихъ о томъ, о семъ, и они отвѣчали ему съ большою искренностью и разсудкомъ. Въ особенности короля удивляли свобода, смѣлость и присутствіе духа Эсѳири, съ которыми она разговаривала съ нимъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ и слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ.

Наконецъ она опять подала ему тазъ для умыванія рукъ и, попрощавшись съ нимъ почти земнымъ поклономъ, ушла вмѣстѣ съ отцомъ.

Придворные, стоявшіе все время у дверей, прислушивались къ ихъ разговору, и когда король остался одинъ, подошли къ нему. Онъ началъ разговоръ съ ними съ удивленія ихъ надъ умомъ и красотой дѣвушки.

— Ну, что вы скажете объ этой красавицѣ? отозвался онъ. — Видѣлъ ли кто изъ васъ какую-либо княжну красивѣе, умнѣе и смѣлѣе этой еврейской дѣвушки?.. Настоящее чудо!

Никто не возражалъ, потому что имъ показалось странной эта фамиллярность съ жиновочкой. Въ особенности капелланъ былъ хмуренъ и недоволенъ. Другіе тоже находили, что онъ черезчуръ свободно оказывалъ имъ свое благоволеніе и дружелюбно разговаривалъ съ ними.

Но король, читая по ихъ лицамъ, понялъ ихъ мысли.

— Не забываете, — сказалъ онъ, — что я спасъ ей жизнь и что за это отецъ съ дочерью хотѣли выразить мнѣ свою благодарность. Я не могъ отвергнуть ее, зная по опыту, что чаще всего тѣ, которымъ мы дѣлаемъ какое-либо благодѣяніе, платятъ намъ совѣмъ иначе и, чаще всего, неблагодарностью.

Согласно прежнему намѣренію, король хотѣлъ только переночевать, однако, онъ тотчасъ сказалъ, что чувствуетъ себя усталымъ и охотно проведетъ здѣсь слѣдующія сутки. Злые люди опять поняли это иначе, усмѣхались и шутили; но Казиміръ никогда не обращалъ вниманія на то, какъ они объясняли его дѣйствія.

На слѣдующій день прекрасная хозяйшка опять пришла съ отцомъ прислуживать королю за обѣдомъ. Разговоръ былъ о гоненіи евреевъ въ тѣхъ краяхъ, которые посѣтило моровое повѣтріе, объ оскорбленіи и о злой судьбѣ несчастныхъ жидовъ. Эсѳирь великолѣпно охарактеризовала это несчастье.

Старый Ааронъ напомнилъ о Болеславовскихъ привилегіяхъ, данныхъ евреямъ и обезпечивающихъ ихъ положеніе въ Польшѣ, и Казиміръ, подумавъ, обѣщалъ разсмотрѣть таковыя и, въ случаѣ нужды—возобновить ихъ.

День этотъ прошелъ очень весело для всего двора, потому что гостепріимный хозяинъ принималъ всѣхъ по-барски, начиная людьми и кончая лошадьми. Всѣ удивлялись щедрости и достатку еврея; кромѣ того, замѣтимъ, что Эсѣиръ въ этотъ день явилась въ другомъ платьѣ и другихъ драгоценныхъ украшеніяхъ, вслѣдствіе чего была еще привлекательнѣе и дышала какою-то особенною прелестью. Король разговаривалъ съ нею во все время обѣда, а Ааронъ не вмѣшивался, потому что она могла объяснить все лучше его.

И въ самомъ дѣлѣ, приходилось удивляться ея уму, памяти и разсудку. Немного женщинъ этого времени, даже при царскихъ дворахъ, отличались такимъ даромъ слова и способностью говорить такъ, какъ говорила Эсѣиръ, несмотря на свои молодые годы, женскій полъ и расовое положеніе.

Въ виду всего этого, неудивительно, что король, попрошавшись съ радушными хозяевами, уѣхалъ только на третій день изъ Опочны, и всю дорогу думалъ и говорилъ о прекрасной Эсѣири, соболѣзнуя о томъ, что такая красавица родилась въ презрѣнномъ племени, и что ее ждетъ въ немъ незавидная судьба...

Коханъ, находившійся въ королевской свитѣ, слушалъ и наматывалъ себѣ на усъ, обдумывая планъ будущаго... Восхищеніе Казиміра, съ которымъ онъ рассказывалъ о молодой дѣвушкѣ, доказывало, что онъ едва ли забудетъ о ней.

— Значить, скоро пробьетъ послѣдній часъ Рокичаны, — подумалъ онъ, — и она совсѣмъ опротивѣетъ ему.

И въ самомъ дѣлѣ, король, вернувшись въ Браковъ, не спѣшилъ пойти къ своей чешкѣ, хотя зналъ, что она находится въ интересномъ положеніи и скоро обѣщаетъ подарить его наслѣдникомъ или наслѣдницей.

Разумѣется, онъ былъ бы очень радъ этому, если-бъ его бракъ былъ признанъ тѣмъ или инымъ путемъ; но въ данный моментъ никто его ни хотѣлъ признать и всѣ порицали поступокъ настоятеля Яна, который осмѣлился, вопреки кано-

ническому праву, благословить его связь. Король послалъ тайно запросъ въ Римъ, нельзя ли какъ-либо оформить и признать законнымъ его бракъ, но оттуда получился категорически-отрицательный отвѣтъ.

Весьма возможно, что хлопоты королевы Елисаветы и ея сына оказались тормазомъ для санкціонированія его брака ибо Людовикъ боялся потерять польскій престолъ. Сестра, старшаяся видѣться съ братомъ, который, однако же, рѣдко бывалъ у нея, слала къ нему своихъ гонцовъ и пословъ, доказывая ему, что о такомъ бракѣ, даже не слѣдуетъ никому говорить.

Однако, охлажденіе короля къ Рокичанъ болѣе всего проистекало не изъ пренебреженія бракомъ, состоявшимся въ Тынецѣ, а по другимъ причинамъ. Гордая чешка, вмѣсто примиренія и ласковаго обхожденія съ нимъ, дѣлались съ каждымъ днемъ невыносимѣе и грознѣе, благодаря чему отталкивала его отъ себя, и онъ сталъ избѣгать ее.

Находясь въ послѣдней фазѣ своего интереснаго положенія, она позвала Казимира къ себѣ, и когда онъ, въ силу необходимости, явился къ ней, она забросала его упреками.

— Я не напрашивалась къ вамъ,—воскликнула она,—и не нуждалась въ вашей коронѣ!.. Я и безъ васъ была уважаемой, любимой, счастливой и богатой; я могла выбирать жениховъ среди рыцарей императорскаго двора. Вы обманули меня своимъ королевскимъ словомъ и за это Господь накажетъ васъ!

Напрасно король старался успокоить ее своими ласками, но она отталкивала его и требовала возстановленія своихъ правъ.

— Я никогда не была и не буду ничьей любовницей... Я—жена... Я буду жаловаться папѣ и разглашу по всему свѣту хитрый обманъ...

Преслѣдуемый такими и тому подобными упреками, Казимиръ ушелъ отъ нея смущенный и оскорбленный, глубоко чувствуя свою вину. Настоятель, во избѣжаніе упрековъ короля въ подстрекательствѣ, уѣхалъ за границу и его не было въ Тынецѣ. Епископъ краковскій, примиреніе съ которымъ дорого обошлась королю, и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ.

Въ виду всего этого, приходилось удалить Рокичану изъ замка, въ которомъ было много свидѣтелей его униженія. Но,

будучи больной, ее развѣ только силою можно было унести изъ него, такъ какъ она объявила, что не двинется съ мѣста, пока не добьется своихъ правъ, которыя будетъ защищать до самой смерти.

Богатые родственники, къ которымъ она обратилась за содѣйствіемъ, имѣя большія связи при чешскомъ дворѣ, просили императора Карла о посредничествѣ, но послѣдній не пожелалъ вмѣшиваться въ это дѣло и съ ядовитою насмѣшкою отпустилъ Рокичановъ домой.

Рожденіе Христиной сына, какъ будто на зло королю, явилось злой проріей судьбы среди ожесточенной ссоры и непріятностей съ нею. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило положенія женщины, которую Казиміръ возненавидѣлъ, быть можетъ, за то, что самъ былъ виноватъ въ своей опрометчивости. Теперь нужно было изыскивать средство, которыя облегчили бы расторженіе брака.

Коханъ ходилъ задумчивый. Онъ пробовалъ уговорить ее разными обѣщаніями и даже угрозами, но ничего не могъ сдѣлать съ храброй женщиной, которая готова была погибнуть, но не уступить.

— Я—жена короля!—возражала она:—и кто бы ни вѣнчалъ насъ, но мы повѣнчаны въ церкви... Пусть виновникъ будетъ наказанъ, а я была—невинна... Вся моя вина въ томъ, что я повѣрила королевскому слову и польстилась на корону, которая теперь оказалась для меня терновымъ вѣнцомъ...

Казиміръ не въ чемъ не могъ упрекнуть Рокичану; у него не было даже предлога разстаться съ той женщиной, которую полюбилъ съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ.

Какъ извѣстно, въ свитѣ несчастной чешки находилась Зоня, дочь Вуйки изъ Праги, которая тоже стремилась въ Браковъ, съ тайной надеждой, но, должно быть, обманулась въ своихъ расчетахъ, какъ и ея госпожа. Коханъ хотъ и былъ ея другомъ, но о женитьбѣ не думалъ. Онъ отвѣчалъ ей на всякія намеки шутками, говоря, что онъ чувствуетъ большое влеченіе къ монашеству, а потому и не желаетъ связы-

вать себя брачными узами. Однако, хотя онъ говорилъ ей о монашествѣ, но не спѣшилъ надѣть монашескую рясу.

Пріятели Кохана тоже ухаживали за Зоной, но о свадьбѣ не напоминали, и она, по временамъ, вмѣстѣ съ своей госпожей, обрушивалась упреками на всю Польшу, на короля и на всѣхъ его приближенныхъ. Впрочемъ, бывали случаи, когда Рокичана обходилась съ нею черезчуръ дерзко и тогда она возставала и противъ нея. Она знала, что король хотѣлъ избавиться отъ чешки и что всѣ искали какого-либо предлога объяснить чѣмъ-либо его отвращеніе къ ней, въ виду чего все принимали къ свѣдѣнію.

Однажды Коханъ очень прозрачно проговорился передъ нею о желаніи короля избавиться отъ Рокичаны, и молодая дѣвушка, съ таинственной улыбкой, двумысленно отозвалась:

— Если-бъ я хотѣла, то можетъ быть и нашлось бы что либо сказать относительно этой соломенной жены, но мнѣ ее жаль! Вы обманули ее, какъ обманываете всѣхъ насъ.

Это кольнуло и заинтересовало королевскаго любимца. Онъ началъ допытываться, но дѣвушка только смѣялась и отвѣчала ему все въ томъ же тонѣ.

— Можетъ быть, у нея есть любовникъ? спрашивалъ онъ.

— Ну, этого-то нѣтъ!.. У нея не любовники въ головѣ — она никогда и никого не любила... Есть кое-что похуже.

— Можетъ быть, она изъ мести хочетъ посягнуть на жизнь короля?

— Хоть бы вы думали три дня и три ночи, то не угадаете! — задорно смѣялась Зоня, все болѣе подстрекая любопытство Равы. — Но я знаю кое-что, и вамъ мужчинамъ, измѣнникамъ и обманщикамъ, не скажу!..

Коханъ, въ надеждѣ узнать отъ нея тайну, сдѣлался съ нею любезнѣе и началъ сильно ухаживать за ней; но дѣвушка поняла его цѣль и осмѣяла его неловкость.

— Если вы ухаживаете за мной ради того, чтобы я проговорила, то вы жестоко ошибаетесь... Хо-хо! Напрасно! Даромъ не скажу...

— Что же вы... хотите продать тайну?.. Такъ говорите, сколько хотите за нее?

— И за деньги не продамъ... потому что мнѣ жалъ этой бѣдной женщины...

— Ну, вы только обманываете меня!—воскликнулъ Рава,— а сами-то ничего не знаете и потому не можете сказать.

Зоня побожилась.

— Я готова присягнуть, что знаю...—прибавила она.

Коханъ ломалъ голову, что бы такое предосудительное она знала о Хрустинѣ, и каждый день припиралъ ее, что называется, къ стѣнѣ, выжимая у нея тайну.

— Вы говорили, что не выдадите вашей тайны даромъ и не продадите ее за деньги... Такъ что же вы хотите?

Зоня взглянула ему въ глаза.

— Женитесь на мнѣ, такъ скажу,—отвѣтила она.— Но—чуръ! вѣнчаться не въ Тынецъ, а—въ дворцовой церкви, въ присутствіи всѣхъ и среди бѣлаго дня... и чтобы насъ вѣнчалъ не какой-либо настоятель монастыря, а епископъ или ужъ кто либо изъ старшихъ ксендзовъ...

Рава принялъ это за шутку и разсмѣялся.

Однако же тайна Рокичаны не выходила у него изъ головы. Думая, что ее знаетъ еще кто-либо изъ камеристокъ, онъ началъ слѣдить за ними и допрашивать; но изъ всѣхъ своихъ разспросовъ—онъ только узналъ, что Рокичана, каждый день по утрамъ, а иногда и два раза въ день, запиралась съ Зоней въ туалетной-комнатѣ на ключъ и проводила въ ней долгое время, какъ это она дѣлала въ Прагѣ, запираясь съ старухой.

Никто изъ горничныхъ не могъ сказать, что онѣ тамъ дѣлаютъ взаперти; но Рокичана всегда выходила оттуда освѣженная, помолодѣвшая и съ вновь завитыми волосами.

Такимъ образомъ только одна Зоня могла знать ея тайну, и Коханъ опять обратился къ ней, обѣщая ей сдѣлать все, что она пожелаетъ, кромѣ женитьбы, къ которой онъ не имѣлъ никакого расположенія.

— Я дала себѣ слово,—возразила она,—выйти въ Польшу замужъ и не выдать тайны, пока не получу мужа.

— Въ такомъ случаѣ, я буду вашимъ сватомъ и подыщу вамъ жениха!—разсмѣялся Коханъ.

— Согласна! Но я сама выберу его... Онъ долженъ быть

молодымъ, богатымъ, красивымъ и добрымъ. За мѣщанина не пойду: онъ долженъ быть обязательно рыцарь!..

— Ну, вы ужъ чересчуръ много желаете!

— Что я знаю, — стоитъ большаго, — возразила Зоня полупутя. — Вы хотите избавиться отъ нея, но у васъ не къ чему придратъся и не въ чемъ ее упрекнуть. Вѣдь правда? Она вамъ въ тягость, а способъ этотъ въ моихъ рукахъ... Конечно, я должна измѣнить бѣдной женщинѣ, но если ужъ измѣнять, то было бы за что и каяться. Дайте мнѣ мужа, какого я хочу!

Коханъ принялъ это за шутку, но черезъ нѣсколько дней убѣдился, что Зоня серьезно рассчитывала на такое замужество.

— Разумѣется, я не сдѣлала-бы этого ни за что на свѣтѣ, даже за замужество, — сказала она, для очистки своей совѣсти, — но вѣдь вы, такъ или иначе, отдѣляетесь отъ Рокичаны; такъ пусть же ваша безчестность послужитъ хоть кому-либо въ пользу.

Ухаживанія Равы за чешкой, которой онъ вѣриль и не вѣриль, продолжались значительное время. Зоня не уступала и старалась все болѣе заинтересовать его.

Коханъ любилъ ея щебетанье и веселье, охотно просиживалъ съ нею по цѣлымъ часамъ, но о женитьбѣ на ней и не думалъ.

Наконецъ онъ подыскалъ ей жениха, нѣкоего Янку Доливу, который хоть былъ бѣденъ, но приличной наружности и имѣлъ въ виду получить послѣ дяди значительное наслѣдство, а также рассчитывалъ на милость короля.

Рава посваталъ его Зонѣ. Она отвѣтила, что: „на безрыбьи и ракъ — рыба“ и согласилась выйти за него. Коханъ общалъ ему, хоть и безъ вѣдома короля, чуть не золотыя горы. Молодой человѣкъ потерялъ голову, когда увидѣлъ Зоню, и готовъ былъ хоть сейчасъ жениться на ней.

Однако съ недовѣрчивой дѣвушкой было не мало труда, и она общала выдать тайну не ранѣе, какъ послѣ вѣнца. Волей или неволей, пришлось согласиться и на это.

Свадьба состоялась и была сыграна за счетъ короля, который охотно согласился помочь бѣдному человѣку, находившемуся у него при дворѣ на службѣ. Коханъ былъ шаферомъ.